У
С 28

11

ПСИХОЛОГІЯ
ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТА.

Л. Д. Сѣдовъ.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1897.

Психологія юношескаго возраста.

Какъ любопытна, какъ достойна самаго внимательнаго изученія весна человѣческой жизни, когда человѣкъ просыпается къ новому бытію; когда шумно и бурно, какъ весенніе потоки, ищутъ исхода и примѣненія впервые сознавшія себя молодыя силы; когда съ такою яркою красотою и дѣвственною свѣжестью, какою блещутъ весенніе цвѣты, просыпаются порывы ко всему свѣтлому, высокому и доброму. Въ этотъ періодъ „бури и натиска“ формируются будущіе дѣятели. Какъ важно, поэтому, было-бы отдать себѣ вполнѣ ясный отчетъ во всѣхъ особенностяхъ этого періода, такъ какъ лишь тогда можно мечтать о томъ, чтобы направить въ надлежащее русло молодыя силы: вѣдь яркіе цвѣты молодости далеко не всегда даютъ добрый плодъ, а сплошь и рядомъ оказываются пустоцвѣтомъ.

А между тѣмъ попытки систематическаго изученія проявленій юношеской жизни крайне скудны. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приходится отмѣтить появленіе очень любопытной статьи по этому вопросу въ іюльскомъ номерѣ американскаго трехмѣсячника „The pedagogical Seminary“. Статья эта [1]) даетъ, на основаніи значительнаго фактическаго матеріала, обосно-

[1]) The psychology and pedagogy of odolescence, by E.G. Lancaster.

ваніе идей, высказанныхъ 15 лѣтъ тому назадъ редакторомъ упомянутаго журнала Ст. Голлемъ (президентомъ Кларкскаго университета). „Для воспитателя, писалъ Голль, всего важнѣе наблюдать измѣненія, происходящія въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, когда юноша получаетъ отъ природы новый запасъ энергіи и альтруистическихъ чувствъ. Физіологически — это второе рожденіе, и жизненный успѣхъ человѣка зависитъ отъ заботливости и мудрости, съ которой будетъ сбереженъ этотъ новый притокъ энергіи. До этого возраста дитя живетъ жизнью себялюбивой, послушной, подражательной. Теперь происходитъ внезапная перемѣна и духовная, и тѣлесная. Усматриваются новыя отношенія вещей. Родители теряютъ свое безграничное вліяніе. Приходится считаться съ стремленіями къ независимости. Являются страстныя желанія симпатіи, глубокія эмоціи и настроенія, любовь къ уединенію, чувства соперничества, желанія самопожертвованія и т. д. Это — періодъ дѣйствія и самоуглубленія. Для здоровыхъ патуръ это—золотая пора жизни.

Соображенія эти высказывались на основаніи неполныхъ наблюденій. Необходимо было озаботиться собраніемъ возможно полнаго фактическаго матеріала, и для полученія его Ланкастеръ прибѣгъ къ пріему, широко практикуемому въ Америкѣ, именно къ опросу лицъ, могущихъ дать необходимый отвѣтъ. Авторомъ, совмѣстно съ проф. Голлемъ, былъ выработанъ перечень вопросовъ относительно тѣлесныхъ и душевныхъ явленій въ юношескомъ возрастѣ и направленъ къ лицамъ 12—25 лѣтъ, а также къ родителямъ и воспитателямъ, съ просьбою дать полный и искренній отвѣтъ, на основаніи наблюденій и воспоминаній. Было получено 827 отвѣтовъ, повидимому, вполнѣ искреннихъ, иногда очень полныхъ и обширныхъ (были отвѣты, заключавшіе до 75 страницъ).

Не довольствуясь этимъ матеріаломъ, Ланкастеръ

обратился къ изученію біографій, но долженъ былъ убѣдиться, что послѣдній источникъ является довольно скуднымъ. Взрослые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ хорошо помнятъ эмоціональную жизнь своихъ раннихъ лѣтъ. Данные могутъ быть позаимствованы изъ дневниковъ, замѣтокъ, воспоминаній другихъ лицъ. Но даже лучшіе наблюдатели могутъ видѣть лишь обрывки того, что происходитъ въ юношеской душѣ. Настроенія, симпатіи быстро смѣняются у юношей, и отдѣльныя фазы поэтому легко забываются.

„Немногія автобіографіи, говоритъ авторъ, даютъ дѣйствительно полныя данныя. Лучшая изъ нихъ — Толстого (автобіографіей Л. считаетъ повѣсть „Дѣтство, отрочество и юность“). Это—воспоминанія сильнаго, здороваго характера. Данныя другихъ автобіографій представляютъ гораздо болѣе сомнительную цѣнность для научныхъ построеній“.

Но какъ-бы ни были скудны данныя каждой отдѣльной біографіи, въ массѣ они пополняютъ другъ друга и производятъ впечатлѣніе внушительнаго цѣлаго. Данныя, извлеченныя Л. изъ изученія 200 біографій замѣчательныхъ людей, намѣренно выбранныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ (здѣсь были государственные люди, профессіональные и практическіе дѣятели, изслѣдователи, изобрѣтатели, техники, ученые, публицисты и т. д.), даютъ интересное дополненіе и подтвержденіе свѣдѣній, собранныхъ путемъ опроса. Знакомя съ содержаніемъ статьи Ланкастера, мы остановимся по преимуществу на сводныхъ данныхъ, приводя полностью лишь немногія выдержки изъ сообщенныхъ автору отвѣтовъ. Взамѣнъ этого мы гораздо больше, чѣмъ Л., используемъ „отрочество и юность“ Толстого, такъ какъ повѣсть эта имѣетъ далеко не одинъ автобіографическій интересъ. Рисуя цѣлый рядъ типическихъ явленій, тонко подмѣченныхъ и ярко изо-

браженныхъ, это произведеніе заключаетъ массу любопытнѣйшаго матеріала для психологіи юношества.

Въ статьѣ нашей сперва будутъ вкратцѣ изложены данныя, сообщаемыя Л. относительно физическихъ измѣненій въ юношескомъ возрастѣ, а затѣмъ мы перейдемъ къ психическимъ проявленіямъ въ этомъ періодѣ.

Глава I.

Физическія измѣненія въ юношескомъ возрастѣ.

Физически — юность начинается съ наступленіемъ зрѣлости. Внѣшнія проявленія послѣдней являются выраженіемъ извѣстнаго внутренняго развитія.

По словамъ Бенеке, со времени рожденія и до періода зрѣлости происходитъ полнѣйшее измѣненіе отношеній, существующихъ между размѣрами сердца и шириной артерій. Въ дѣтствѣ сердце относительно узко, тогда какъ артеріи относительно широки. Такъ продолжается до періода зрѣлости. Вмѣстѣ съ ростомъ тѣла это отношеніе дѣлается обратнымъ, вслѣдствіе очень быстраго увеличенія количества крови. Послѣднее обстоятельство требуетъ усиленія дѣятельности сердца, а слѣдовательно, быстро увеличиваетъ размѣры этого органа, тогда какъ увеличеніе поперечнаго сѣченія артерій сравнительно ничтожно и это новое отношеніе остается постояннымъ. Въ дѣтствѣ отношеніе поперечныхъ сѣченій сердца и артерій составляетъ 25 : 20. Предъ наступленіемъ зрѣлаго возраста оно достигаетъ 140 : 50, а въ полной зрѣлости 290 : 61. Давленіе крови, слѣдовательно, значительно выше въ юношескомъ возрастѣ, чѣмъ въ дѣтствѣ, при чемъ измѣненіе въ давленіи крови и является однимъ изъ первыхъ признаковъ приближенія зрѣлости.

Замѣчается нѣкоторое повышеніе температуры тѣла,

указывающее на усиленную химическую дѣятельность. Происходитъ также увеличеніе количества красныхъ кровяныхъ шариковъ въ крови.

Мозговыя измѣненія въ этомъ возрастѣ пока не изучены достаточно. Вѣсъ мозга еще раньше этого почти достигаетъ своего максимума.

Въ числѣ другихъ внѣшнихъ признаковъ, для дѣвушекъ наступленіе возраста зрѣлости сопровождается быстрымъ измѣненіемъ костей таза. Вслѣдствіе измѣненія положенія костей таза,—а также быстраго роста бедренныхъ костей, дѣвочки около 13 лѣтъ выше мальчиковъ того же возраста. Шагъ удлиняется, и походка становится неуклюжей. Бѣгъ дѣлается очень затруднительнымъ, граціозность въ ходьбѣ и бѣгѣ должна пріобрѣтаться заново, всходить на лѣстницу становится особенно труднымъ для дѣвушекъ, особенно быстро развивающихся въ физическомъ отношеніи.

Ростъ бедренныхъ костей можетъ быть, для обоихъ половъ, настолько быстрымъ въ этотъ періодъ, что мышцы не могутъ поспѣвать за увеличеніемъ костей, почему происходитъ напряженіе мышцъ, причиняющее „боли роста“, часто онѣ жестоки. Отвѣты корреспондентовъ говорятъ о такомъ явленіи лишь по отношенію къ мальчикамъ, но, несомнѣнно, оно существуетъ и обоихъ половъ. Съ другой стороны мышечная система можетъ расти быстрѣе костей, слѣдствіемъ чего является временная неуклюжесть. Движенія не могутъ быть легко контролируемы, роняются вещи; при ходьбѣ и бѣгѣ часты паденія.

Для выясненія данныхъ относительно роста, въ связи съ измѣненіемъ здоровья, былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: „Когда произошло наибольшее увеличеніе роста и вѣса? Сопровождался-ли періодъ роста улучшеніемъ или ухудшеніемъ здоровья?“

На этотъ вопросъ получились отвѣты отъ 187 лицъ. Изъ нихъ 139 (48 муж. и 91 женщ.) отвѣтили, что

наиболѣе быстро росли они послѣ зрѣлости, тогда какъ 48 (10 м. и 38 ж.) — дали отвѣтъ противоположный или неопредѣленный.

По поводу здоровья, 133 сообщили, что здоровье ихъ, при быстромъ ростѣ тѣла и при приближеніи зрѣлости, стало лучше или осталось неизмѣннымъ. У 38 здоровье ухудшилось, у 3 замѣчалась большая слабость. Остальные 13 дали неопредѣленный отвѣтъ. Числа эти совершенно соотвѣтствуютъ даннымъ относительно роста до и послѣ періода зрѣлости. Внимательное изученіе отвѣтовъ показало, что наиболѣе быстрый ростъ и увеличеніе вѣса происходятъ нормально послѣ періода зрѣлости. Если-же оно наступаетъ раньше зрѣлости, то здоровье можетъ ухудшиться или во время роста, или во время зрѣлости, а иногда въ оба эти періода.

Вотъ числа:

Наиболѣе быстрый ростъ во время зрѣлости или до нея и хорошее здоровье: 2 м., 10 ж.

Ростъ въ то же время и худое здоровье: 3 м. и 36 ж.

Наиболѣе быстрый ростъ послѣ зрѣлости и худое здоровье: 1 м., 11 ж.

Ростъ въ то же время и здоровье хорошее или улучшившееся: 17 м., 80 ж.

Такимъ образомъ, 8 на 1 имѣли хорошее здоровье во время роста и зрѣлости, если быстрый ростъ происходитъ послѣ зрѣлости, тогда какъ 3 на 1 имѣли худое здоровье, если быстрый расходъ происходилъ во время зрѣлости или до нея.

Кривая, изображающая прибавку роста дѣвочекъ, достигаетъ наивысшей точки къ 14 годамъ, для мальчиковъ между 15 и 16. Кривая увеличенія вѣса достигаетъ вершины 2—3 годами позже, чѣмъ кривая роста: для дѣвушекъ въ 17 лѣтъ, для юношей—въ 16—18. Нужно замѣтить, что число отвѣтовъ, полученныхъ отъ юно-

шей, незначительно, почему и заключенія менѣе достовѣрны.

Въ отвѣтахъ о здоровьи вообще интересны очень частыя упоминанія объ измѣненіи аппетита. Оно замѣчалось у $^1/_4$ общаго числа отвѣтившихъ; несомнѣнно, это зависѣло отъ колебаній роста и внутреннихъ измѣненій въ организмѣ.

Любопытны данныя относительно *измѣненія формъ* тѣла и чертъ лица. На вопросъ по поводу этихъ измѣненій было получено 204 отвѣта. Изъ нихъ 194— 43 м., 151 ж. — указали на измѣненіе въ формахъ, 10 дали отрицательный отвѣтъ. Во многихъ случаяхъ замѣчено измѣненіе типа: дитя, походившее сперва по своимъ чертамъ и проявленіямъ на одного изъ родителей, начинаетъ походить на другого или на кого-либо изъ родственниковъ. Объ измѣненіи сходства говоритъ 151 отвѣтъ. 20 м. и 33 ж., сперва походившіе на мать или ея родственниковъ, стали походить на отца, а кромѣ того 15 дѣвушекъ на дядю, тетку или дѣда съ отцовской стороны. 8 м. и 58 ж., походившіе на отца или кого-либо съ его стороны, стали походить на мать, а 14 ж. — на тетку, бабушку, двоюроднаго брата или дядю съ материнской стороны.

Одинъ изъ вопросовъ касался перемѣны голоса. Отвѣтъ полученъ былъ отъ 111 лицъ, въ томъ числѣ отъ 103 положительный. У мальчиковъ голосъ мѣнялся въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ, при чемъ наибольшее число случаевъ измѣненія падало на 14, 15 и 16 года, что близко совпадаетъ съ годами наступленія половой зрѣлости.

По послѣднему вопросу, именно по поводу появленія первыхъ внѣшнихъ признаковъ половой зрѣлости, отвѣтъ дали 133 человѣка: 35 м. и 78 ж. Судя по этимъ отвѣтамъ, наступленіе возраста зрѣлости среди американцевъ для мужчинъ приходится на періодъ отъ

12 до 18 лѣтъ, при чемъ на каждый изъ годовъ этого періода приходится послѣдовательно слѣдующее число случаевъ: 3, 8, 22, 13, 8, 0, 1. Средній возрастъ $14,_3$. Для дѣвушекъ зрѣлость наступала въ періодъ отъ 10 до 19 лѣтъ. Число случаевъ наступленія зрѣлости въ каждый изъ годовъ этого періода: 2, 4, 8, 23, 22, 13, 4, 1, 0, 1. Наибольшее число случаевъ падаетъ на 13 и 14 лѣтъ, средній возрастъ — $13,_6$.

Первое появленіе внѣшнихъ признаковъ половой зрѣлости часто причиняетъ много нравственныхъ мученій и дѣвушкамъ, и юношамъ. Требованія условной морали не позволяютъ родителямъ и воспитателямъ переговорить предварительно объ этомъ съ молодыми людьми, и то, что для послѣднихъ является часто совершенной неожиданностью, поражаетъ ихъ, какъ нѣчто постыдное или ужасное. Ланкастеръ предупреждаетъ, впрочемъ, противъ преждевременнаго ознакомленія молодежи съ гигіеной юношескаго возраста. Онъ говоритъ о нѣсколькихъ случаяхъ, когда преждевременное, хотя и невольное, ознакомленіе дѣвушекъ съ предстоящимъ фактомъ періодическаго выдѣленія крови, сосредоточивало на этомъ ихъ вниманіе, усиливало циркуляцію крови и вызывало преждевременное выдѣленіе. Но, съ другой стороны, авторъ сообщаетъ о фактахъ, когда дѣвушки, не имѣя никакого представленія объ этомъ явленіи, испытывали большой стыдъ, когда переживали его, прибѣгали къ устраненію всякихъ слѣдовъ холодной водой, въ результатѣ получались спазмы, иногда со смертельнымъ исходомъ.

„Ложный стыдъ, удерживающій родителей отъ ознакомленія дѣтей съ этой стороной дѣла, является преступнымъ“, замѣчаетъ Ланкастеръ. Точно также преступно избѣгать ознакомленія юношей съ нормальными здоровыми симптомами ихъ возраста. Обычныя явленія, сопровождающія у юношей наступленія зрѣлости, явленія, сами по себѣ совершенно безвредныя, причи-

няютъ многимъ, большой страхъ, внушая мысль о болѣзни.

Ланкастеръ натолкнулся, на крайне интересный фактъ, ярко иллюстрирующій только что высказанное положеніе. Зная, что многія изъ американскихъ медицинскихъ компаній, занимаясь заочнымъ лѣченіемъ, получаютъ отъ юношей массу писемъ съ откровеннымъ разсказомъ о болѣзняхъ, Л. просилъ о выдачѣ ему хотя-бы нѣсколькихъ такихъ писемъ, для ознакомленія съ ними. Онъ получилъ рѣшительный отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что, по правиламъ компаній, полученныя ими письма никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не выходятъ изъ ихъ рукъ. Тогда Ланкастеръ обратился къ маклерамъ, собирающимъ письма и торгующимъ ими или отдающихъ ихъ во временное пользованіе для списыванія. У двухъ крупнѣйшихъ маклеровъ оказался запасъ въ 3 милліона писемъ, въ томъ числѣ 705 тысячъ „медицинскихъ“. Теперь въ рукахъ автора тысячи писемъ, написанныхъ большею частью молодежью и проданныхъ „докторами“ или медицинскими компаніями.

„Письма эти, говоритъ Л., раскрываютъ одну изъ печальнѣйшихъ сторонъ нашей общественной жизни. Люди, писавшіе письма, были одурачены шарлатанами, объявляющими, что они излѣчиваютъ отъ тѣхъ явленій, которыя они въ своихъ книгахъ выдаютъ за признаки сифилиса или другихъ страшныхъ болѣзней. На самомъ же дѣлѣ это лишь признаки хорошаго здоровья. Цѣны за лѣченіе ужасны. Одинъ изъ юношей заплатилъ за лѣченіе около 1000 долларовъ. Онъ тщательно указываетъ симптомы и они совершенно нормальны для здороваго организма... Всѣ подписи и адресы сохранены на письмахъ“. Авторъ цитируетъ рядъ такихъ писемъ. Бѣдняки тратили громадныя суммы; но это ничто въ сравненіи съ ужасными тревогами, приводившими иногда къ бѣгству изъ родного дома лю-

дей, считавшихъ себя очагомъ заразы. „Это печальное явленіе — не пустяки, восклицаетъ Ланкастеръ. Оно—естественное слѣдствіе глупой ложной скромности, съ которой американскій народъ относится ко всему, касающемуся половой жизни. Каждый юноша долженъ своевременно получить представленіе о простыхъ физіологическихъ явленіяхъ своего возраста".

Еслибы даже наглая эксплуатація юношескихъ страховъ и была специфически американской чертой, то самое существованіе нравственныхъ мученій, въ связи съ незнакомствомъ съ нормальными симптомами возраста, къ сожалѣнію, должно быть признано общимъ явленіемъ. „Глупая" ложная скромность свойственна всему культурному міру. И въ громадномъ большинствѣ случаевъ эта ложная скромность одно фарисейство.

Глава II.

Психическія особенности юношескаго возраста.

Глава о психическихъ особенностяхъ юношескаго возраста представляетъ у Ланкастера почти что одинъ сырой матеріалъ, хотя матеріалъ очень большой цѣнности. Это рядъ предложенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ, съ краткими комментаріями; группировка вопросовъ довольно случайна; при этомъ совершенно однородные отвѣты попадали подъ самыя различныя рубрики и совершенно разнохарактерные подъ одну. Ниже мы попытаемся дать посильную обработку этого сырого матеріала.

Наиболѣе характерною чертою юношескаго возраста является необычайная сила тѣхъ внутреннихъ волненій, которымъ даютъ названіе чувствованій или эмоцій. Эмоціи, конечно, не ограничиваются возрастомъ 10—25 лѣтъ, но позже онѣ не выступаютъ такъ ярко на по-

верхность жизни, проявляясь лишь при болѣе сильныхъ стимулахъ и сдерживаясь въ значительной степени разсудочной способностью. Въ юношескомъ возрастѣ эта сдерживающая сила не достигаетъ еще достаточнаго развитія и эмоціи являются господствующимъ элементомъ, придающимъ своеобразную окраску всей психической жизни юношескаго возраста.

Вліяніе сильнаго напряженія эмоцій сказывается уже на томъ первичномъ объективномъ элементѣ, изъ котораго развивается психическая жизнь, т. е. на ощущеніяхъ. Судя по полученнымъ Ланкастеромъ отвѣтамъ, ощущенія, даваемыя разными органами чувствъ, становятся разнообразнѣе и тоньше. Такъ, изъ 225 отвѣтовъ 197—59 м. и 138 ж. — сообщаютъ, что органы осязанія, зрѣнія, слуха стали острѣе и тоньше. 28 чел. — 9 м., 19 ж. — дали отрицательный или неопредѣленный отвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ случаевъ, усиленіе слуха, зрѣнія, осязанія было доказано экспериментально; повидимому, привхожденіе эмоціональнаго элемента дѣлаетъ болѣе острыми проявленія воздѣйствій одинаковой силы и такимъ образомъ дѣлаетъ болѣе острыми чувства.

Физіологически напряженность волненій зависитъ отъ большаго или меньшаго прилива крови, отъ большаго или меньшаго возбужденія центровъ. И подобно тому какъ за всякимъ усиленнымъ приливомъ слѣдуетъ отливъ крови, такъ за необычно яркимъ и напряженнымъ волненіемъ и соотвѣтственнымъ настроеніемъ духа слѣдуетъ настроеніе духа прямо противоположное. Яркость и громадная измѣнчивость настроеній и является характерной для юношескаго возраста. Изъ 766 полученныхъ отвѣтовъ, только въ 10 говорится о совершенно ровномъ настроеніи, 285—85 м., 200 ж. — говорятъ о періодическихъ подъемахъ духа, большой и безпричинной радости, 471—237 м., 234 ж. —

о періодахъ угнетенія, меланхоліи [1]). Угнетеніе обыкновенно слѣдовало за періодомъ подъема. Въ немногихъ случаяхъ — первое неизмѣнно предшествовало послѣднему. Многіе говорятъ о чувствѣ угнетенія при пробужденіи, объ уменьшеніи его во время умыванія, веселомъ настроеніи духа въ школѣ и радостномъ по вечерамъ. Отвѣты указываютъ на тѣсную зависимость между угнетеніемъ и подъемомъ духа съ одной стороны и условіями питанія съ другой. Въ связи съ чувствомъ угнетенія часто появляются мысли о самоубійствѣ.

Кривая, изображающая состояніе угнетенія, начинаетъ подыматься съ 11 лѣтъ, быстро повышается до 15, достигаетъ вершины въ 17 л. и затѣмъ постепенно опускается въ періодъ до 23 л.

Такимъ образомъ, періоды угнетенія обыкновенно исчезаютъ къ концу юношескаго возраста. Въ болѣзненныхъ случаяхъ изъ нихъ развивается меланхолія или различные виды маніи.

Вотъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ:

м. 22 [2]). Былъ субъектомъ большихъ крайностей до 18 лѣтъ. Мысли о самоубійствѣ бывали и до юношескаго возраста, но особенно часто въ это время.

ж. 24. Отъ 12 до 16 лѣтъ подвергалась частымъ приступамъ меланхоліи.

ж. 17. Періоды безпричиннаго отчаянія. Все было-бы хорошо, если-бы могла кричать. Чувство сильной радости.

Эта радость, о которой говоритъ послѣдній отвѣтъ, очень часто является радостью жизни вообще, будучи отраженіемъ чувства полноты жизни, неяснаго чувства

---

[1]) Болѣе $^1/_6$ части знаменитыхъ людей, біографіи которыхъ изучилъ Ланкастеръ, пережили въ юности періоды большого унынія.

[2]) м—мужчина, ж.—женщина. Цифра за буквами м. и ж. указываетъ на возрастъ корреспондента.

пробужденія собственныхъ силъ и увеличивающагося богатства внутренняго міра. Чувство этой радости является общимъ слѣдствіемъ возбужденно-приподнятой природы юноши, а не непосредственнымъ результатомъ какого-нибудь отдѣльнаго факта. Возникновеніе этого чувства, проявленіе его для посторонняго наблюдателя можетъ казаться совершенно неожиданнымъ. „Отлично жить на свѣтѣ!“ совершенно искренно и восторженно можетъ воскликнуть юноша и, подобно Николаю Иртеньеву [1]), именно тогда, когда вы всего менѣе, по ходу всего предыдущаго, ждете проявленій такой радости.

Въ общемъ, настроенія жизнерадостныя являются преобладающими въ юношескомъ возрастѣ. Этимъ и объясняется, что активныя чувства въ этомъ періодѣ, сравнительно съ предъидущимъ, становятся сильнѣе, пассивныя слабѣе. Отвѣты говорятъ, что чувства вообще стали сильнѣе, захватъ ихъ обширнѣе. Гнѣвъ и гордость стали интензивнѣе, но поставлены подъ лучшій контроль. Чувство страха стало меньше, исключая страха опасностей моральнаго порядка и страха предъ нѣкоторыми болѣзнями. Послѣдній былъ общимъ и очень сильнымъ.

Но отраженіемъ эмоціональнаго характера юношескаго возраста служитъ не только измѣненіе характера прежнихъ чувствъ, а также пробужденіе цѣлаго міра чувствъ или совершенно новыхъ, или извѣстныхъ ребенку лишь въ слабой степени. Чувства эти — сложныя, на возникновеніе ихъ вліяютъ измѣненія въ дѣятельности ума и воли, тоже происходящія теперь и тоже отражающія на себѣ вліяніе эмоцій. Поэтому прежде, чѣмъ говорить о сферѣ новыхъ юношескихъ чувствъ, мы укажемъ на измѣненія, подъ вліяніемъ

---

[1]) Герой „Дѣтства, отрочества и юности“. См. конецъ XXVII гл „Юности“.

сильно-тонирующихъ эмоцій, въ области мысли и въ области хотѣній.

Органы чувствъ невольно отражаютъ внѣшніе образы и явленія, но далеко не каждое изъ этихъ отраженій доходитъ до области сознанія, часто скользя лишь по поверхности, не задѣвая его. Нужно, чтобы были затронуты болѣе глубокія струны души, чтобы онѣ пришли въ созвучное колебаніе и только тогда ихъ мощное волненіе привлечетъ сознаніе къ тѣмъ фактамъ, мимо которыхъ оно проходило прежде такъ равнодушно. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы въ такомъ пробужденіи сознанія вся роль принадлежала исключительно эмоціямъ, громадно также значеніе и большаго развитія мыслительныхъ способностей. Благодаря этому, ощущенія въ періодъ юности дѣлаются предметомъ болѣе глубокаго, чѣмъ прежде, размышленія. Мысль дитяти не шла дальше отдѣльныхъ предметовъ. Теперь,— и перемѣна эта можетъ быть очень внезапной и рѣзко отмѣченной,—просыпается цѣлый новый міръ мыслей. Происходитъ группировка идей, замѣчаются связи и отношенія, которыя до сихъ поръ ускользали отъ вниманія. Многіе изъ полученныхъ отвѣтовъ говорятъ, что съ тѣхъ поръ, какъ были открыты новыя отношенія вещей, жизнь пріобрѣла совершенно новый смыслъ. Совершенно другой смыслъ, какъ въ жизни природы, гдѣ разрозненныя явленія начинаютъ теперь группироваться въ стройныя системы, такъ и въ жизни общественной, которая только теперь и начинаетъ замѣчаться, ясно вырисовываться, и вытѣснять эгоцентрическія представленія, царившія доселѣ.

„Случалось-ли вамъ, читатель, спрашиваетъ гр. Толстой, въ извѣстную пору жизни вдругъ замѣчать, что вашъ взглядъ на вещи совершенно измѣняется, какъ будто всѣ предметы, которые вы видѣли до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ вамъ другою, неизвѣстной еще стороной? Такого рода моральная перемѣна произошла

во мнѣ въ первый разъ во время нашего путешествія, съ котораго я и считаю начало моего отрочества.

Мнѣ въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ, что не мы одни, т. е. наше семейство, живемъ на свѣтѣ, что не всѣ интересы вертятся около насъ, а что существуетъ другая жизнь людей, ничего не имѣющихъ общаго съ нами, не заботящихся о насъ и даже не имѣющихъ понятія о нашемъ существованіи. *Безъ сомнѣнія, я и прежде зналъ все это; но зналъ не такъ, какъ я это узналъ теперь, не сознавалъ, не чувствовалъ*".

Другимъ отраженіемъ эмоціональнаго характера на умственной сферѣ является мечтательное настроеніе мыслей, неудержимый полетъ фантазіи, столь характерный для юношескаго возраста. По своему содержанію, въ зависимости отъ тонированія тѣхъ или другихъ чувствъ, различныхъ низшихъ хотѣній, чувствъ личныхъ вообще, чувствъ альтруистическихъ и общественныхъ, мечты эти могутъ быть совершенно разнородны. Общимъ является то, что онѣ заполняютъ значительную часть жизни и отличаются необычайною яркостью. Конечно, и здѣсь сказывается вліяніе болѣе развитыхъ мыслительныхъ способностей. Разъ мысль пробудилась, быстро расширяется внутренній міръ, неудержимо тѣснятся новыя идеи, измѣняется направленіе мыслей. Мысль захватываетъ самыя разнообразныя сферы, переходитъ отъ близкаго къ далекому, не довольствуясь настоящимъ, рисуетъ будущее. Но безъ воздѣйствія эмоцій, пылкаго воображенія не могло-бы существовать: только яркій блескъ эмоцій и способствуетъ неудержимому полету фантазіи. А яркость фантастическихъ образовъ бываетъ иногда настолько сильна, что, какъ увидимъ ниже, юноши подчасъ влюбляются въ созданія собственной фантазіи.

Подавляющее большинство отвѣтовъ, полученныхъ Ланкастеромъ, говоритъ о пылкой работѣ воображенія

въ юношескіе годы. Изъ 200 знаменитыхъ людей, біографіи которыхъ, какъ упоминалось, изучилъ Л., о 41 разсказывается, что они тратили въ юности много времени на мечтанія о будущемъ. О крайнемъ разнообразіи содержанія этихъ мечтаній нѣкоторое понятіе могутъ дать слѣдующіе отвѣты:

ж. 23. Въ 12 л. я ушла въ себя. У меня бывали грезы, подолгу занимавшія мой умъ. Хотя онѣ были и невинны сами по себѣ, но я стыдилась говорить о нихъ.

ж. 18 л. Я страстно желала поступать справедливо и пользоваться доброй славой.

ж. 19 л. Я иногда глубоко уходила въ грезы и страстныя мечты. Часто думала я, какъ была-бы я счастлива, еслибы выдалась въ чемъ-нибудь. То мечтала я сдѣлаться способной пѣть, какъ Патти, или рисовать, подобно старымъ мастерамъ, или писать, подобно Шекспиру. Я мечтала обладать всѣми добродѣтелями, быть всегда совершенно правдивой и несебялюбивой.

ж. 18. Отъ 14 до 16 л. моимъ любимымъ занятіемъ было сидѣть зимой у огня и строить воздушные замки. Я представляла себя во всевозможныхъ высокихъ положеніяхъ.

Такимъ образомъ, какъ можно видѣть даже изъ приведенныхъ отвѣтовъ, мечты эти покоятся то на чисто эгоистическихъ, то на общественныхъ чувствахъ, часто, при всей своей противоположности, уживаясь въ одномъ и томъ-же человѣкѣ. Рѣдко встрѣчается юноша, у котораго совершенно отсутствовали-бы всякіе порывы вверхъ, къ чему-то благородному, возвышенному, но еще рѣже тѣ, къ которымъ можно было-бы обратиться со словами, сказанными Некрасовымъ Добролюбову:

Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ, ты чистоту хранилъ,

Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья;
Какъ женщину, ты родину любилъ.
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдалъ ей...

А потому и мало такихъ, у которыхъ родина заполнила-бы всѣ мечты.

Типичнымъ по предмету своихъ желаній юношей можетъ служить Николай Иртеньевъ, такъ характеризующій свои мечты:

„Въ тотъ періодъ времени, который я считаю предѣломъ отрочества и началомъ юности, основой моихъ мечтаній было четыре чувства: любовь къ ней, къ воображаемой женщинѣ, о которой я мечталъ всегда въ одномъ и томъ-же смыслѣ и которую всякую минуту ожидалъ гдѣ нибудь встрѣтить... Второе чувство было любовь любви. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ меня знали и любили... Мнѣ хотѣлось сказать свое имя: Николай Иртеньевъ, и чтобы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ, обступили и благодарили-бы за что-нибудь. Третье чувство было — надежда на необыкновенное, тщеславное счастье, — такая сильная и твердая, что она переходила въ сумасшествіе. Я такъ былъ увѣренъ, что очень скоро, вслѣдствіе какого-нибудь необыкновеннаго случая, вдругъ сдѣлаюсь самымъ богатымъ и самымъ знатнымъ человѣкомъ въ мірѣ, что безпрестанно находился въ тревожномъ ожиданіи чего-то волшебно-счастливаго... Четвертое и главное чувство было отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, но раскаяніе до такой степени слитое съ надеждой на счастіе, что оно не имѣло въ себѣ ничего печальнаго. Мнѣ казалось такъ легко и естественно оторваться отъ всего прошедшаго, передѣлать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всѣми ея отношеніями совершенно снова, чтобы прошедшее не тяготило, не связывало меня. Я даже наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его

мрачнѣе, чѣмъ оно было. Чѣмъ черпѣе былъ кругъ воспоминаній прошедшаго, тѣмъ чище и свѣтлѣе выдавалась изъ него свѣтлая чистая точка настоящаго и разливались радужные цвѣта будущаго. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства и былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту эпоху моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей, и на міръ Божій".

Яркость мечтаній, въ связи съ быстрой смѣной настроепій, почти сливающихся другъ съ другомъ, представлены здѣсь необычайно пластично. Легко видѣть, что указанные четыре рода мечтаній,—которыя могутъ быть вкратцѣ охарактеризованы какъ мечты о женщинѣ, мечты о всеобщей любви къ *собственной* особѣ, надежды на *собственное* счастье и мечты о *собственномъ* совершенствованіи, — являются совершенно эгоистическими мечтами, правда не одинаковой высоты. Но и эгоистической натурѣ Иртеньева смутно провидѣлось иногда и другое счастье:

...„что то говорило мнѣ, что *она* съ обнаженными руками и пылкими объятіями еще далеко — далеко не все счастье, что и любовь къ ней далеко-далеко еще не все благо; и чѣмъ больше я смотрѣлъ на высокій, полный мѣсяцъ, тѣмъ истинная красота и благо казались мнѣ выше и выше, чище и чище, и ближе и ближе къ Нему, къ источнику всего прекраснаго и благаго, и слезы какой-то неудовлетворенной, но волнующей радости навертывались мнѣ на глаза".

Это уже безкорыстныя мечты, но мечты оторванныя отъ земли, и потому очень неопредѣленныя.

Еще сильнѣе безкорыстныя мечты и притомъ съ ярко опредѣленною земною окраскою у юношей съ сильными общественными наклонностями, какимъ былъ,

напримѣръ, Надсонъ, въ 18 лѣтъ мечтавшій о томъ, что

...настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!
Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

Мечты объ общемъ благѣ налагаютъ извѣстный отпечатокъ на нравственное чувство, ярко рисуя идеалъ должнаго, но о сложныхъ чувствахъ, высшимъ изъ которыхъ является нравственное чувство, мы будемъ говорить ниже, а пока перейдемъ къ измѣненіямъ, производимымъ напоромъ эмоцій въ *волевой* области.

Въ юношескомъ возрастѣ воля далеко еще не получаетъ полнаго своего развитія: вполнѣ развивается лишь та именно сторона ея, которая находится въ особенно тѣсной зависимости отъ эмоцій, двигательная воля. Окончательное же развитіе задерживающей воли принадлежитъ будущему.

Желанія пріобрѣтаютъ характеръ невѣдомой до того времени страстности, приводя къ шумной и энергичной дѣятельности. Иногда эта потребность дѣятельности выражается въ исканіи какого-нибудь физическаго труда. Такъ въ отвѣтахъ, полученныхъ Ланкастеромъ, дѣвушки разсказываютъ, что въ періоды необычайной двигательной энергіи онѣ находили исходъ для энергіи въ уборкѣ комнатъ.

Другія еще болѣе энергичныя натуры, иногда въ зависимости отъ пробужденія новаго міра мыслей, начинаютъ тяготиться покоемъ будничной жизни и энергично стремятся вырваться изъ нея далеко на широ-

кій просторъ, куда влечетъ проснувшаяся жажда неизвѣданной еще жизни.

Въ этомъ сходятся: и простая юная рыбачка, умоляющая мать отпустить ее на волю въ такихъ страстныхъ выраженіяхъ (Пѣсня изъ „Медвѣжьей охоты“ Некрасова):

Не рыбацкій парусъ малый—
Корабли мнѣ снятся.
Скучно! въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.
Здѣсь, какъ въ клѣткѣ, заперта я.
Сонъ кругомъ глубокій,
Отпусти меня, родная,
На просторъ широкій,
Гдѣ сама ты грудью бѣлой
Волны разсѣкала,
Гдѣ тебя я гордой, смѣлой,
Счастливой видала—

и юный интеллигентъ (въ „Рыцарѣ на часъ“), разсказывающій о себѣ:

Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!

Заинтересовавшись этой стороной проявленія двигательной энергіи, Ланкастеръ поставилъ слѣдующій вопросъ относительно дома:

„Уменьшилась-ли притягательная сила дома? Небыло-ли желанія уйти изъ него, устроиться самостоятельно, завязать новыя отношенія, пріобрѣсти новыхъ друзей? Не слѣдуетъ-ли покидать на-нѣкоторое время домъ въ эту пору?“

Отвѣтъ дали 403 чел.; 253—153 м., 100 ж.—желали оставить домъ, устроиться самимъ или находили домъ менѣе привлекательнымъ; у 150—29 м., 121 ж.—не

являлось желанія покинуть домъ. 107 думали, что домъ слѣдуетъ покинуть на нѣкоторую часть этого періода; 20—, что нѣтъ.

Отвѣтъ дали въ такомъ родѣ:

ж. 20. Домъ сталъ непривлекательнымъ. Хотѣла уйти, чтобы устроиться самостоятельно.

ж. 18. Я любила домъ, но было время, когда хотѣла уйти и продожить самой дорогу. Родителей люблю больше прежняго.

Обращаясь къ изученнымъ Ланкастеромъ біографіямъ, находимъ, что изъ 200 челов. 51 покинули свой домъ до 20 лѣтъ, желая стать на свои ноги. Средній возрастъ ушедшихъ — около 16 лѣтъ. Многіе изъ нихъ рѣзко порывали съ домашнимъ авторитетомъ. „Чувство, что дома тѣсно, говоритъ Л., желаніе уйти и работать, опираться лишь на свои силы, образовать новыя связи, — инстинктъ, столь-же старый, какъ раса, и общій всему животному міру... Онъ можетъ возникнуть и у самыхъ послушныхъ и прекрасно воспитанныхъ дѣтей. Онъ не является признакомъ вырожденія или меньшей любви къ дому и семьѣ... Чувство это достигаетъ наибольшей силы между 16 и 18 годами или около времени окончательной зрѣлости“.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ большого запаса двигательной энергіи, стоитъ развивающееся у юношей желаніе главенствовать, руководительствовать. По этому вопросу, Л. было получено 171 отвѣтъ, большею частью односложныхъ. Замѣчательно, что большинство не имѣвшихъ желанія главенствовать, были дѣвушки. Многія изъ нихъ предпочитали быть руководимыми. У 81 м. и 55 ж. развилось въ юности желаніе главенствовать, 3 м. и 31 ж. предпочитали слѣдовать за другими. Въ 51 изъ 200 біографій упоминается о возникновеніи желанія руководительствовать въ возрастѣ до 20 лѣтъ.

Отражая на себѣ эмоціональный характеръ юности, запасъ энергіи, а слѣдовательно и связанная съ нимъ напряженность дѣятельности въ юношескомъ возрастѣ далеко не постоянны. Подобно смѣнѣ настроеній, происходитъ и смѣна періодовъ энергіи и апатіи.

514 чел.,—170 м., 344 ж.,—сообщили Ланкастеру о чередованіи періодовъ апатіи и необычайной активности. Характеръ отвѣтовъ очень однообразенъ: „Бывали промежутки большого утомленія, мозгъ совершенно отказывался работать. Затѣмъ наступалъ періодъ очень энергичной дѣятельности, когда въ короткій срокъ выполнялось удивительное количество работы.

Болѣе $^1/_4$ изученныхъ біографій (58 изъ 200) упоминаютъ о періодахъ большой энергіи и необычной активности.

Необычайный взрывъ различныхъ новыхъ желаній, стоящій въ связи со взрывомъ эмоцій, отражается ослабленіемъ воли: нѣтъ цѣльности характера, различныя желанія тянутъ человѣка въ разныя стороны часто сюда примѣшивается вліяніе напора новыхъ идей, наклонность мысли улетать въ область мечты, и воля окончательно не въ силахъ справиться съ этимъ разнообразіемъ внутренняго міра.

„Сознаніе свободы и то весеннее чувство ожиданія чего-то, про которое я говорилъ уже, до такой степени взволновали меня (разсказываетъ Николай Иртеньевъ), что я рѣшительно не могъ совладѣть съ самимъ собою и приготавливался къ экзамену очень плохо. Бывало утромъ занимаешься въ классной комнатѣ и знаешь, что необходимо работать, потому что завтра экзаменъ изъ предмета, въ которомъ еще цѣлыхъ два вопроса не прочитаны мной, но вдругъ пахнетъ изъ окна какимъ-нибудь весеннимъ духомъ: покажется, будто что-то крайне нужно сейчасъ вспомнить, руки сами собой опускаютъ книгу, ноги сами

собой начинаютъ двигаться и ходить взадъ и впередъ, а въ головѣ какъ будто кто-нибудь пожалъ пружинку и пустилъ въ ходъ машину, въ головѣ такъ легко и естественно и съ такою быстротою начинаютъ пробѣгать разныя пестрыя веселыя мечты, что только успѣваешь замѣчать блескъ ихъ. И часъ, и два проходятъ незамѣтно".

Подъ вліяніемъ богатства эмоцій юноши иногда теряютъ власть надъ своею рѣчью.

„Новый напоръ идей (большей частью внезапно захватывающихъ умъ), погруженіе въ глубокое море эмоцій мѣшаетъ иногда юношамъ свободно владѣть рѣчью (говоритъ Ланкастеръ). Чувства юноши глубоки. Въ воображеніи онъ обращается къ обширной аудиторіи и увлекаетъ ее. Но когда приходится говорить, оказывается, что его двигательный аппаратъ не обладаетъ достаточной легкостью. Пріобрѣтеніе рѣчи является длительнымъ процессомъ. Новая жизнь требуетъ и новой рѣчи. Усилія, съ которыми она пріобрѣтается, часто болѣзненны и неуклюжи.

Центры рѣчи и связанные съ ними процессы, подъ вліяніемъ нервнаго разстройства, легко утрачиваютъ способность функціонировать. Вторичное прорѣзываніе зубовъ лишаетъ иногда дитя способности рѣчи, и ребенокъ долженъ заново учиться говорить; иногда можетъ явиться заиканіе. Жгучая боль тоже иногда не даетъ говорить. Глубокія эмоціи производятъ подобный-же эффектъ и являются главнѣйшимъ факторомъ въ подобныхъ затрудненіяхъ рѣчи у юношей.

На вопросъ по этому поводу (формулированный такъ: „стало-ли легче или труднѣе выражаться, и не было-ли „нѣмыхъ", связанныхъ чувствъ?") получено 346 отвѣтовъ. 262—72 м., 190 ж.—указали на эти затрудненія. 84—27 м., 57 ж.—никогда не испытывали недостатка словъ.

М. 19. Ребенкомъ былъ большой говорунъ. Затѣмъ

сталъ неувѣреннымъ въ себѣ и лишь съ трудомъ вернулъ себѣ способность выражаться надлежащимъ образомъ.

М. 18. Мнѣ сдѣлалось гораздо труднѣе выражать свои мысли, особенно если я глубоко чувствую.

Ж. 32. Я очень страдала отъ „нѣмыхъ“ чувствъ. У меня былъ нервный страхъ, что я потеряю слова, которыя мнѣ нужно сказать. „Страдала отъ нѣмыхъ чувствъ“... Это тѣ страданія, о которыхъ сказалъ Надсонъ:

Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова:
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ...

Вслѣдствіе того, что всѣ желанія въ юношескомъ возрастѣ пріобрѣтаютъ особую напряженность, изъ глубины души выплываютъ на поверхность, часто совершенно неожиданно, самыя темныя хотѣнія. Быть можетъ, ихъ возникновеніе стоитъ въ зависимости отъ сознанія въ себѣ молодыхъ силъ, которыя все будтобы могутъ сдѣлать. Какъ-бы то ни было у молодежи просыпаются мысли о возможности совершить преступленія, о которыхъ раньше и не грезилось. Очень многіе говорятъ въ своихъ отвѣтахъ о томъ, какъ сильно были они удивлены появленіемъ въ это время въ умѣ страшныхъ мыслей о преступленіи. Иногда необходима была вся сила самоконтроля, чтобы удержаться отъ преступленія. Но самоконтроль юноши далеко не всегда достаточенъ, чтобы совладать съ этими темными хотѣніями. Быть можетъ, отчасти этимъ объясняется большой % молодежи среди преступниковъ, отмѣченный, напримѣръ, для Франціи Карромъ [1]).

---

1) „На 7473 заключенныхъ во Франціи, въ 1883 г., моложе 21 года, было: моложе 8 лѣтъ 14 м. 6 дѣв.
8—10 „ 159 „ 37 „
10—12 „ 425 „ 117 „

Вотъ два изъ такихъ сообщеній о темныхъ желаніяхъ:

Ж. 18. Думала о томъ, чтобы убить отца, мать, себя. Въ то же время хотѣла-бы знать, что объ этомъ скажутъ газеты.

Ж. 17. У меня прелестная племянница. Однажды, когда она спала, у меня явилась страшная мысль, что хорошо было-бы убить малютку. Меня ужаснуло появленіе такой мысли. Это продолжалось минуту.

О томъ же говоритъ и Толстой:

„Я читалъ гдѣ-то, что дѣти отъ 12 до 14 лѣтъ, то-есть находящіяся въ переходномъ возрастѣ отрочества, бываютъ особенно склонны къ поджигательству и даже убійству. Вспоминая свое отрочество и особенно то состояніе духа, въ которомъ я находился въ этотъ несчастный для меня день, я весьма ясно понимаю возможность самаго ужаснаго преступленія, безъ цѣли, безъ желанія вредить, но такъ—изъ любопытства, изъ безсознательной потребности дѣятельности“.

Теперь мы перейдемъ къ области тѣхъ сложныхъ чувствъ, гдѣ чувство, умъ и воля, приводящая къ извѣстнаго рода поведенію, часто такъ тѣсно переплетаются, что раздѣлить эти элементы представляется невозможнымъ. Поэтому мы предпочитаемъ систематизировать эти чувства по ихъ объектамъ:

1) Чувства и отношенія къ себѣ и къ тѣмъ цѣ-

12—14 лѣтъ	1214 м.	269 дѣв.
14—16 „	1739 „	409 „
16—18 „	1765 „	385 „
18—20 „	714 „	209 „
старше 20 „	3 „	8 „

Изъ 26000 злодѣевъ, арестованныхъ въ годъ въ Парижѣ, 16000 были моложе 20 лѣтъ“. А. Карръ, Преступленіе и самоубійство, стр. 309 (цит. по Ланкастеру).

лымъ, мало дифференцированную часть которыхъ составлялъ до сихъ поръ ребенокъ: семьѣ и школѣ:

2) Религіозныя чувства.
3) Любовь къ природѣ.
4) Эстетическія чувства.
5) Отношенія къ другому полу.
6) Дружескія симпатіи.
7) Альтруистическія чувства.
8) Нравственныя чувства.

Послѣ характеристики проявленія этихъ чувствъ въ юношескомъ возрастѣ остановимся на той сферѣ, гдѣ интеллектуальный элементъ является несомнѣнно преобладающимъ: интересы къ литературѣ, наукѣ, философіи.

---

1) Начинающая критически работать мысль, и желаніе проявить свои силы, свою личность, и новый кругъ симпатій, новые идеалы — все это заставляетъ молодежь иногда рѣзко рвать съ тѣмъ цѣлымъ, чьему авторитету она до сихъ поръ повиновалась до того безпрекословно, что даже мысли о неподчиненіи не приходили ей въ голову.

„Внезапное возникновеніе желанія „бунта противъ власти“, поражающее своей внезапностью самое дитя не меньше, чѣмъ родителей, обнаруживается, говоритъ Ланкастеръ, у лучшихъ дѣтей, часто съ такой рѣзкостью, которая ужаснетъ всякаго. И это не является непремѣнно дурнымъ признакомъ, развѣ ужъ часто повторяется. Желаніе оставить школу, въ связи съ желаніемъ оставить домъ, является совершенно естественнымъ послѣдствіемъ желанія дѣйствительно осуществить ту жизнь, идеалъ которой построенъ воображеніемъ“...

Для освѣщенія этого пункта, Ланкастеромъ были предложены слѣдующіе вопросы:

„Уменьшилось-ли родительское вліяніе. Измѣнились-ли отношенія къ отцу и матери, братьямъ, сестрамъ, другимъ родственникамъ?

Не было-ли желанія оставить школу, перемѣнить занятія, преподавателей, оказать неуваженіе властямъ? Не стало-ли труднѣе переносить занятія, дисциплину, наказанія?"

Относительно семьи и родителей отвѣтили 281 99—33 м., 66 ж.—указали на уменьшеніе родительскаго вліянія, тогда какъ 181—35 м., 146 ж.—находили родителей по прежнему дорогими и повиновались имъ такъ же легко, какъ и въ дѣтствѣ.

100—32 м., 68 ж.—чувствовали желаніе оставить школу или даже дѣйствительно покидали ее на время. 192—98 м., 94 ж.—не испытывали подобнаго желанія. 75—34 м., 41 ж.—поднимали возмущеніе противъ авторитета дома или школы въ годы своей юности. 74—15 м., 59 ж.—сказали, что наказанія чувствовалась ими болѣе глубоко, чѣмъ прежде. 18—9 м., 9 ж.—не замѣтили въ этомъ отношеніи перемѣны.

Вотъ два очень типичныхъ отвѣта:

М. 19. Бунтовалъ противъ семьи и власти отца. Очень любилъ школу, но долженъ былъ оставить ее, такъ какъ никогда не зналъ уроковъ, хотя имѣлъ отличныя способности. Поведеніе было крайне своевольно и по временамъ совершенно невыносимо.

Ж. 19. Въ 14 лѣтъ испытывала большое удовольствіе нарушать всѣ школьныя правила; потому просто, что это были правила.

Небезъинтересно сдѣлать также сопоставленіе чувствъ, которыя испытывалъ по отношенію къ своему отцу Николай Иртеньевъ до и послѣ наступленія юношескаго возраста.

Въ дѣтствѣ „чувство безусловнаго уваженія ко всѣмъ старшимъ и въ особенности къ папа, разсказываетъ онъ, было такъ сильно во мнѣ, что умъ мой безсо-

знательно отказывался выводить какія-бы то ни было заключенія изъ того, что я видѣлъ. Я чувствовалъ, что папа долженъ жить въ сферѣ совершенно особенной, прекрасной, недоступной и непостижимой для меня“...

А позже отмѣчается такой фактъ: „(Отецъ) понемногу спускается въ моихъ глазахъ съ той недосягаемой высоты, на которую его ставило дѣтское воображеніе. Я съ тѣмъ же искреннимъ чувствомъ любви и уваженія цѣлую его большую бѣлую руку, но уже позволяю себѣ думать о немъ, обсуживать его поступки, и мнѣ невольно приходятъ о немъ такія мысли, присутствіе которыхъ пугаетъ меня“.

Въ собранныхъ фактахъ относительно протестовъ противъ семьи и школы Ланкастеръ справедливо видитъ прекрасную иллюстрацію того, что мальчики и дѣвушки, отъ 12 до 18 лѣтъ, преисполнены сознаніемъ какъ своей личности, такъ и правъ на личное признаніе. Мы сказали-бы даже больше: въ иныхъ случаяхъ это сознаніе своихъ личныхъ правъ, какъ видно даже изъ приведенныхъ отвѣтовъ, доходитъ до болѣзненности. Какъ реакція противъ прошлаго безличнаго состоянія, — такъ какъ даже при крайнемъ эгоизмѣ дѣтства, но эгоизмѣ чисто инстинктивномъ, самоопредѣленія личности еще нѣтъ, — значеніе собственнаго я, впервые пробудившееся въ сознаніи, раздувается до крайности. Изъ покорнаго раба это „я“ становится самовластнымъ господиномъ, для котораго невыносимы самыя законныя ограниченія; развивается даже какая-то анархическая потребность идти противъ всѣхъ ограниченій, нарушать правила только потому, что это правила, чтобы показать этимъ свою силу и независимость.

Ланкастеръ не вполнѣ вѣритъ тѣмъ изъ своихъ корреспондентовъ, которые сообщили объ усиленіи у нихъ себялюбивыхъ чувствъ въ юношескомъ возрастѣ (та-

кой отвѣтъ дало 25%). Намъ кажется, что эта самооцѣнка могла быть и совершенно вѣрной, хотя, быть можетъ, состояніе повышеннаго эгоизма и было временнымъ. Во всякомъ случаѣ, эгоизмъ здѣсь впервые становится вполнѣ сознательнымъ. Въ связи съ этою повышенною любовью къ собственной особѣ стоитъ желаніе выказать ее въ наилучшемъ свѣтѣ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

Однимъ изъ проявленій такого желанія является между прочимъ усиленная забота о своей внѣшности, отчасти стоящая въ связи съ желаніемъ привлечь къ себѣ благосклонное вниманіе не только всѣхъ вообще, но другого пола въ особенности.

„Мальчики начинаютъ замѣчать, говоритъ Ланкастеръ, что сапоги ихъ не вычищены, платье и волосы не въ порядкѣ, воротничекъ не послѣдняго фасона“. Изъ числа давшихъ отвѣтъ по этому вопросу, 226—134 м., 92 ж.—почувствовали внезапную потребность устранить малѣйшую неопрятность въ своей одеждѣ; 44—43 м., 1 ж.—указали на отсутствіе всякихъ перемѣнъ въ одеждѣ и манерахъ.

Къ этой-же категоріи явленій относится самолюбованіе, ищущее исхода въ желаніи вызвать и со стороны другихъ такое-же поклоненіе себѣ, рисовка, замѣчаемая у многихъ юношей. Ланкастеръ не собиралъ матеріала по этому вопросу. Мы воспользуемся данными, имѣющимися у Толстого.

Судя по признаніямъ Иртеньева, самолюбованіе иногда проявляется въ очень наивной формѣ.

Съѣздивъ въ монастырь, чтобы вторично исповѣдаться, покаяться въ случайно забытомъ грѣхѣ, возвращаясь затѣмъ домой на извощичьихъ дрожкахъ, юноша замечтался о томъ, „какъ теперь духовникъ, вѣрно, думаетъ, что такой прекрасной души молодого человѣка, какъ я, онъ никогда не встрѣчалъ въ жизни, да и не встрѣтитъ, что даже и не бываетъ подобныхъ.

Я въ этомъ былъ убѣжденъ; и это убѣжденіе произвело во мнѣ чувство веселья такого рода, которое требовало того, чтобы кому-нибудь сообщить его. Мнѣ ужасно хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь; но такъ какъ никого подъ рукой не было, кромѣ извощика,... я разсказалъ ему все и даже чувство, которое испытывалъ".

Иртеньевъ искренно желаетъ говорить правду своему лучшему другу, но не можетъ противостоять искушенію показаться въ наилучшемъ свѣтѣ, а потому и рисуется предъ нимъ своимъ безкорыстіемъ, самъ, повидимому, вполнѣ вѣря своимъ словамъ.

„Знаешь, я думаю, гораздо-бы лучше прямо объясниться съ княземъ, — говорилъ онъ, — сказать ему, что я его уважаю, какъ человѣка, но о наслѣдствѣ его не думаю и прошу его, чтобы онъ мнѣ ничего не оставлялъ, и что только въ этомъ случаѣ я буду ѣздить къ нему".

Желаніе придать особый блескъ своей особѣ приводитъ умнаго въ общемъ юношу къ самому безтактному хвастовству.

„Какъ только я чувствовалъ, что товарищъ начиналъ быть ко мнѣ расположенъ, я тотчасъ-же давалъ ему понять, что я обѣдаю у князя Ивана Иваныча и что у меня есть дрожки. Все это я говорилъ только для того, чтобы показать себя съ болѣе выгодной стороны и чтобы товарищъ меня полюбилъ еще больше за это, но почти всякій разъ, напротивъ, вслѣдствіе сообщеннаго извѣстія о моемъ родствѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ и дрожкахъ, къ удивленію моему, товарищъ вдругъ становился со мной гордъ и холоденъ".

Съ цѣлью „показаться съ самой выгодной стороны" Иртеньевъ прибѣгаетъ къ глупому оригинальничанью, такъ часто замѣчаемому у совсѣмъ зеленой молодежи.

На приглашеніе идти гулять, „слѣдуя своему пра-

гилу быть всегда оригинальнымъ и считая, что такіе умные люди, какъ я и княгиня, должны стоять выше банальной учтивости, я отвѣчалъ, что терпѣть не могу гулять безъ всякой цѣли и ежели ужъ люблю гулять, то совершенно одинъ. Я вовсе не сообразилъ, что это было просто грубо; но мнѣ тогда казалось, что такъ же, какъ нѣтъ ничего стыднѣе пошлыхъ комплиментовъ, такъ и нѣтъ ничего милѣе и оригинальнѣе нѣкоторой невѣжливой откровенности. Однако, очень довольный своимъ отвѣтомъ, я пошелъ-таки гулять вмѣстѣ со всѣмъ обществомъ".

Въ связи съ этою рисовкой, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ, стоитъ лживость, развивающаяся иногда въ юношескомъ возрастѣ, хотя въ послѣднемъ обстоятельствѣ сказывается также вліяніе богатства эмоцій и пылкости воображенія. Далеко не у всѣхъ развивается желаніе прилгать. Многіе изъ корреспондентовъ Ланкастера находили для себя правду необходимостью, слабѣйшее уклоненіе отъ нея было мучительно. „Говорить правду, пишетъ одинъ изъ такихъ корреспондентовъ (м. 22), было чѣмъ то въ родѣ растущей необходимости, я чувствовалъ отвращеніе ко всякому преувеличенію". Но для другихъ говорить правду въ этомъ періодѣ было страшно труднымъ. „Не легко говорить правду. Пылкое воображеніе и желаніе фантазировать", сообщаетъ одинъ. „Говорить правду труднѣе, пишетъ другой. „Ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ, ни потомъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, я не замѣчалъ за собой порока лжи, разсказываетъ Иртеньевъ: напротивъ, я скорѣе былъ слишкомъ правдивъ и откровененъ; но въ эту первую эпоху юности на меня часто находило странное желаніе, безъ всякой видимой причины, лгать самымъ отчаяннымъ образомъ. Я говорю именно „отчаяннымъ образомъ", потому что я лгалъ въ такихъ вещахъ, въ которыхъ очень легко было поймать ме-

ня. Мнѣ кажется, что тщеславное желаніе выказать себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ есть, соединенное съ несбыточною въ жизни надеждой лгать, не бывъ уличеннымъ во лжи, было главною причиной этой странной наклонности".

Въ связи съ повышеннымъ самочувствіемъ стоитъ развитіе соперничества и зависти, которыя, судя по свѣдѣніямъ Ланкастера, проявляются съ большою интенсивностью и характеризуютъ періодъ юношества.

Въ значительной степени отъ сознанія собственной личности и высокой самооцѣнки зависитъ страстное исканіе симпатіи, развитіе нервной подозрительности, пробуждающейся, правда, лишь періодически, при извѣстномъ настроеніи, когда, какъ молодому Иртеньеву, юношѣ кажется, что всѣ его ненавидятъ. Иногда неудовлетворенность въ исканіи симпатій къ себѣ приводитъ къ мысли о самоубійствѣ. Такъ, одинъ изъ отвѣтовъ, полученныхъ Л., говоритъ о частыхъ мысляхъ о самоубійствѣ подъ вліяніемъ того, что „лица, которыхъ я любилъ, и, главнымъ образомъ, моя семья, казалось, не любили и не цѣнили меня".

Къ этой-же области относится и стремленіе къ самосовершенствованію, иногда очень интензивно проявляющееся въ юношескомъ возрастѣ и представляющее собою чувство совершенно эгоистическое, поскольку это самосовершенствованіе является цѣлью само по себѣ, а не средствомъ—подготовленія изъ себя достойнаго работника общественной нивы. Такимъ, напр., самосовершенствованіемъ, вытекающимъ изъ эгоистическихъ соображеній,—подготовленіемъ себѣ возможнаго „философскаго" счастья, занимался Н. Иртеньевъ:

„Разъ мнѣ пришла мысль, что счастье не зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ нашего отношенія къ

нимъ, что человѣкъ, привыкшій переносить страданія, не можетъ быть несчастенъ, и, чтобы пріучить себя къ труду, я, не смотря на страшную боль, держалъ по пяти минутъ въ вытянутыхъ рукахъ лексиконы Татищева или уходилъ въ чуланъ и веревкой стегалъ себя по голой спинѣ такъ больно, что слезы невольно выступали на глазахъ".

2) По поводу *религіи*, Ланкастеромъ были поставлены слѣдующіе вопросы: а) „Явилась-ли большая наклонность молиться, читать Писаніе, гимны, посѣщать церковъ и т. д.? Появилось-ли новое чувство къ Богу, къ Христу"? б) „Не явилось-ли различныхъ религіозныхъ сомнѣній"?

598 чел. отвѣтили на эти вопросы. Изъ нихъ 518—232 м., 286 ж.—сообщили о пробужденіи религіозности между 12 и 25 г., главнымъ образомъ, между 12 и 20, тогда какъ 80—60 м., 20 ж.,—не испытали религіозныхъ чувствъ. Въ 53 (изъ 200) біографіяхъ также упоминается о пробужденіи глубокихъ религіозныхъ чувствъ въ юности.

„До указаннаго возраста, говоритъ Л., религія была, повидимому, лишь формой, теперь-же она пріобрѣла внутренній смыслъ. И это пробужденіе религіозности самопроизвольно, подобно пробужденію любви къ природѣ. Сомнѣнія касались, главнымъ образомъ, догматической стороны".

Пробужденіе религіозности является, несомнѣнно, однимъ изъ проявленій порываній къ идеальному, столь свойственныхъ юности:

Я помню школьные года
И возрастъ отрочества нѣжный:
Моя душа была тогда
Чиста, какъ даль вершины снѣжной.
Въ то время, ближе къ небесамъ,
Чѣмъ къ той юдоли, гдѣ родился,—
Въ слезахъ я пламенно молился
Безъ словъ, о чемъ не зная самъ.

3) Относительно *природы* корреспонденты Л. отвѣчали на слѣдующіе вопросы: „Не стали-ли въ большей степени искать одиночества? Сообщества собакъ, лошадей, домашнихъ-животныхъ? Не пріобрѣли-ли особой притягательной силы деревья, лѣсъ, небо, тучи, луна, вѣтеръ, звѣзды? Не пробудилось-ли большей любви къ цвѣтамъ, краскамъ, запахамъ, пѣнію птицъ“?

Общее число отвѣтовъ было 702. 640 изъ нихъ— 330 м., 310 ж.—(или 90%)—испытали дѣйствительную любовь къ природѣ, тогда какъ 62—28 м., 34 ж.— не любили природы.

Въ 109 изъ 200 біографій упоминается о сильной любви къ природѣ въ юности, причемъ отсутствіе упоминанія въ другихъ біографіяхъ не указываетъ, конечно, на отсутствіе самой любви.

Въ этой пробудившейся любви къ природѣ „нельзя замѣтить, говоритъ Ланкастеръ, какого-нибудь преобладающаго направленія; общимъ было лишь страстное желаніе стать ближе къ природѣ. Любовь къ природѣ, по времени своего проявленія и по формѣ своей кривой, является совершенно сходною съ проявленіемъ религіознаго чувства. Отвѣты указываютъ, что любовь къ природѣ даетъ молодежи отдохновеніе, а также силу самоконтроля. Въ прибѣжищѣ къ ней обрѣтается спасеніе противъ всѣхъ дурныхъ элементовъ собственной души. Для многихъ это является истинной поддержкой въ жизни. Уединеніе среди природы даетъ возможность уйти въ свои думы, отвѣтить на запросы проснувшейся души. Многіе черпаютъ силу отъ деревьевъ, нравственное мужество отъ скалъ, желаніе дѣйствовать пробуждается качаніемъ лѣса, рокотомъ ручья“.

Чувства эти пробуждаются особенно въ возрастѣ отъ 6 до 20 л. Но кривая начинаетъ быстро подыматься лишь между 11 и 12, достигаетъ высшей точки въ 13, 14 и 15, нѣсколько опускается къ 16 и быстро— къ 20.

По произведенному опросу, наиболѣе любимыми животными оказались слѣдующія: собаки (21 м., 45 ж.); лошади (20 м., 32 ж.); домашнія животныя вообще (8 м., 31 ж.); кошки (8 м., 21 ж.); птицы (5 м., 21 ж.).

Главное измѣненіе, намъ кажется, состоитъ не въ томъ, что стали болѣе пріятными и дорогими тѣ или другія изъ отдѣльныхъ живыхъ существъ, а въ томъ, что природа какъ цѣлое, совершенно прежде не доступная дѣтской душѣ,— такъ какъ дитя восхищается лишь отдѣльными предметами, а не цѣлымъ— пріобрѣтаетъ необычайную красоту. Здѣсь громадную роль играетъ привхожденіе эмоцій: благодаря необычайной привлекательности ощущеній, новую прелесть пріобрѣтаетъ все въ природѣ. „Все въ природѣ пріобрѣло совершенно новую красоту", говорятъ полученные Ланкастеромъ отвѣты. Необычайную красоту при этомъ получаютъ самыя обыденныя явленія въ жизни природы. „Тогда все получало для меня другой смыслъ, разсказываетъ герой повѣсти Толстого: и видъ старыхъ березъ, блестѣвшихъ съ одной стороны на лунномъ небѣ своими кудрявыми вѣтвями, съ другой-мрачно застилавшихъ кусты и дорогу своими черными тѣнями, и спокойный, пышный, равномѣрно какъ звукъ, возраставшій блескъ пруда, и лунный блескъ капель росы на цвѣтахъ передъ галлереей, тоже кладущихъ поперекъ сѣрой рабатки свои граціозныя тѣни, и звукъ перепела за прудомъ, и голосъ человѣка съ большой дороги, и тихій, чуть слышный скрипъ двухъ старыхъ березъ другъ о друга, и жужжаніе комара надъ ухомъ подъ одѣяломъ, и паденіе зацѣпившагося за вѣтку яблока на сухіе листья, и прыжки лягушекъ, которыя иногда добирались до ступеней террасы и какъ-то таинственно блестѣли на мѣсяцѣ своими зеленоватыми спинками,— все это получало для меня странный смыслъ— смыслъ

слишкомъ большой красоты и какого-то недокончennаго счастья".

Но развѣ все это обыденныя явленія, могутъ возразить намъ. Вѣдь это картина необычайной красоты! Да, необычайной, но именно потому, что крупный художникъ далъ намъ взглянуть на нее сквозь призму юношескихъ эмоцій.

Относительно наклонности къ *уединенію* былъ полученъ 471 отвѣтъ. 307—82 м., 225 ж.,—очень любили уединеніе между 12 и 20 годами, тогда какъ 190—133 м., 57 ж. — не искали его. Что-же касается біографій великихъ людей, то въ подавляющемъ большинствѣ неизмѣнно отмѣчается проявленіе любви къ уединенію. „Талантъ совершенствуется въ уединеніи. Это, повидимому, указываетъ, говоритъ Ланкастеръ, что любовь къ уединенію является хорошимъ показателемъ умственныхъ способностей. Она указываетъ на наличность ума способнаго къ самоуглубленію. „Уединеніе необходимо для литературныхъ занятій", пишетъ Дизраэли.

Кривая для любви къ уединенію сходна съ кривой любви къ природѣ. Она захватываетъ время отъ 8 до 25 лѣтъ, начинаетъ быстро подыматься между 11 и 12 г. и достигаетъ высшей точки въ 14 или 15 л., затѣмъ быстро и окончательно падаетъ къ 20 годамъ; сильная любовь къ уединенію, такимъ образомъ, цѣликомъ совпадаетъ съ юношескимъ періодомъ.

Знакомясь съ отвѣтами корреспондентовъ Л., мы видимъ, что одна изъ отвѣтившихъ цѣлыми часами смотритъ на звѣзды; другой кажется, что деревья, цвѣты, птицы понимаютъ ее; у третьей любимымъ занятіемъ было сидѣть у небольшого ручейка и слѣдить за его струями; четвертый разсказываетъ о любви къ лѣсу, къ большимъ горамъ. У многихъ любовь къ природѣ сливается съ религіознымъ чувствомъ.

Изъ приведеннаго раньше отрывка видно, что такое

сліяніе двухъ этихъ чувствъ переживалъ и Н. Иртеньевъ. Иногда ему казалось, что его личность растворяется въ природѣ, сливается съ ней въ одно цѣлое:

„И все я былъ одинъ, и все казалось, что таинственно-величавая природа, притягивающій къ себѣ свѣтлый кругъ мѣсяца, остановившійся зачѣмъ-то на одномъ высокомъ неопредѣленномъ мѣстѣ блѣдно-голубого неба и вмѣстѣ стоящій вездѣ и какъ будто наполняющій собою все необъятное пространство, и я, ничтожный червякъ, уже осквернённый всѣми мелкими, бѣдными людскими страстями, но со всею необъятною могучею силою любви,—мнѣ все казалось въ эти минуты, что какъ будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же“.

Предпочтеніе той или другой обстановки уединенія всецѣло, конечно, зависитъ отъ общаго направленія чувствъ, ума и воли человѣка. Интересно, напр., сопоставить картины уединенія, дававшаго въ юношествѣ нравственное удовлетвореніе такимъ противоположнымъ натурамъ, какъ Лермонтовъ и Надсонъ:

. . . . . Иногда
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой:
И я глядѣлъ, и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣевалъ толпу глубокихъ думъ.
Тутъ былъ я счастливъ...

(Лермонтовъ).

Я лёжу и смотрю... Я смотрю, какъ горитъ
Крестъ собора надъ старыми вязами,
Какъ рѣка предо мною беззвучно бѣжитъ,
Загораясь подъ солнцемъ алмазами,
Какъ пестрѣютъ стада на зеленыхъ лугахъ,
Какъ луга эти съ далью сливаются,—
Съ ясной далью, сверкающей въ знойныхъ лучахъ

Съ синей далью, гдѣ взоры теряются;
И покой—благодатный, глубокій покой
Осѣняетъ мнѣ грудь истомленную,
Точно мать наклонилась въ тиши надо мной
Съ кроткой лаской, любовью рожденною...

(Надсонъ).

4: Годы юности, когда, какъ раньше указывалось, впервые просыпается сознаніе красоты природы, являются также временемъ, когда особенно сильно чувствуются красоты искусства, когда измѣняются *эстетическіе вкусы* и, въ связи со всѣмъ этимъ, пробуждаются художественныя дарованія. Ланкастеромъ были поставлены вопросы относительно двухъ видовъ искусства,—живописи и музыки. Отвѣты по поводу живописи (ихъ было 472) указывали, что почти у $^3/_4$ молодежи было въ юности время сильнаго увлеченія живописью, когда многіе даже помышляли объ артистической карьерѣ (нужно помнить, что дѣло идетъ объ Америкѣ, гдѣ рисованіе въ школахъ поставлено прекрасно). Никакихъ серьезныхъ дарованій въ этомъ отношеніи у большинства не оказалось, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, много черезъ годъ, увлеченіе живописью смѣнилось увлеченіемъ музыкой, такъ что въ этомъ сказывалось лишь пробужденіе эстетическихъ наклонностей вообще, подъ вліяніемъ высоко-развитой эмоціональной стороны. Почти у $^3/_4$ общаго числа корреспондентовъ замѣчалось измѣненіе вкуса по отношенію къ живописи. Именно, вмѣсто любви къ яркимъ краскамъ, къ изображенію людей и животныхъ въ дѣйствіи, что такъ любятъ дѣти, у юношей пробуждается любовь къ идиллической живописи, изображающей тихую жизнь и природу, хотя для многихъ отсутствіе людей на картинѣ попрежнему составляетъ недочетъ въ ней. Многіе изъ отвѣтившихъ указываютъ, что между 14—18 годами они любили лишь такія кар-

тины, гдѣ видна душа художника, картины вродѣ Мадонны.

Относительно музыки отвѣтило 566 человѣкъ. У 464—215 м., 249 ж.—любовь къ музыкѣ увеличилась и доходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ до страсти, скоро, впрочемъ, прошедшей. Лишь незначительная часть отвѣтившихъ хотѣли избрать музыку своей профессіей. 102 чел.—62 м., 40 ж.—не замѣтили у себя измѣненія музыкальнаго вкуса, у остальныхъ оно было и проявлялось въ направленіи аналогичномъ измѣненію вкуса въ живописи: вмѣсто шумной многіе начинаютъ предпочитать тихую, мечтательную музыку. [1]).

Кривая, изображающая развитіе любви къ музыкѣ, точно совпадаетъ съ такою-же кривой для любви къ природѣ: она приподымается къ 10 годамъ, достигаетъ высшей точки къ 15 и быстро падаетъ къ 16.

5. Переходя къ отношеніямъ къ другому полу въ юношескомъ возрастѣ, мы должны отмѣтить, вмѣстѣ съ Ланкастеромъ, что любовь не является существенно характеристичнымъ явленіемъ для юношеской психологіи, но все-таки юность является тѣмъ временемъ, когда одинъ полъ, вполнѣ естественно, пріобрѣтаетъ для другаго больше привлекательности, чѣмъ имѣлъ онъ въ дѣтствѣ. На вопросы, поставленные относительно любви, корреспонденты отозвались не особенно охотно: отвѣтъ дали лишь 91 человѣкъ, изъ нихъ 69—28 м., 41 ж.—любили до 25 л., 22 (11 чел. каждаго пола)—не испытали чувства любви. 9—2 м., 7 ж.—любили совершенно воображаемыхъ существъ и 49—3 м., 46 ж.—говорятъ о страстной любви къ лицамъ того-же пола.

---

[1]) Изъ 200 ч., на біографіи которыхъ ссылается Л., у 53 въ юности была страсть къ тому или иному виду живописи и музыки. Эта страсть у однихъ продолжалась всего нѣсколько дней, у другихъ—нѣсколько лѣтъ.

Любовь къ воображаемому существу, при всей ея странности, является естественнымъ слѣдствіемъ потребности любви, просыпающейся, иногда съ необычайной силой, въ юношескомъ возрастѣ. Являются неотвязныя мечты о любви, заставляющія галлюцинировать и, наконецъ, влюбляться въ яркіе образы собственной фантазіи.

„Въ полнолуніе я часто, разсказываетъ Н. Иртеньевъ, цѣлыя ночи напролетъ проводилъ, сидя на своемъ тюфякѣ, вглядываясь въ свѣтъ и тѣни, вслушиваясь въ тишину и звуки, мечтая о различныхъ предметахъ, преимущественно о поэтическомъ сладострастномъ счастіи, которое мнѣ тогда казалось высшимъ счастіемъ въ жизни, и тоскуя о томъ, что мнѣ до сихъ поръ дано было только воображать его. Бывало, только что всѣ разойдутся и огни въ гостиной перейдутъ въ верхнія комнаты, гдѣ слышны становятся женскіе голоса и стукъ отворяющихся и затворяющихся оконъ, я отправляюсь на галлерею и расхаживаю по ней, жадно прислушиваясь ко всѣмъ звукамъ засыпающаго дома. До тѣхъ поръ, пока есть маленькая безпричинная надежда, хотя на неполное такое счастье, о которомъ я мечтаю, я еще не могу спокойно строить для себя воображаемое счастье. При каждомъ звукѣ босыхъ ногъ, кашлѣ, вздохѣ, толчкѣ окошка, шорохѣ платья, я вскакиваю съ постели, воровски прислушиваясь, приглядываясь и безъ видимой причины прихожу въ волненіе. Но вотъ огни исчезаютъ въ верхнихъ окнахъ, звуки шаговъ и говора замѣняются храпѣніемъ, караульщикъ по ночному начинаетъ стучать въ доску, садъ сталъ и мрачнѣе, и свѣтлѣе, какъ скоро изчезли въ немъ полосы краснаго свѣта изъ оконъ, послѣдній огонь изъ буфета переходитъ въ переднюю, прокладывая полосу свѣта по росистому саду.... И вотъ тогда-то я ложился на свою постель, лицомъ къ саду

и, закрывшись, сколько возможно было, отъ комаровъ и летучихъ мышей, смотрѣлъ въ садъ, слушалъ звуки ночи и мечталъ о любви и счастіи.... И вотъ являлась *она* съ длинною черною косой, высокой грудью, всегда печальная и прекрасная, съ обнаженными руками, съ сладострастными объятіями. Она любила меня, я жертвовалъ для одной минуты ея любви всею жизнью".

О страстной любви къ женщинѣ, созданной собственной фантазіей, разсказываетъ *Лермонтовъ* въ стихотвореніи „*первая любовь*".

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, въ тѣни ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ, какъ ледъ,
И очи .. этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній ..
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану—можетъ быть!

Рядомъ съ этими мечтами „о знойной" любви, въ юношескомъ возрастѣ мы встрѣчаемъ и совершенно другую любовь, безъ всякаго элемента сладострастія, хотя любовь эта испытывается не къ фантастическимъ, а къ реальнымъ личностямъ. Напомнимъ трогательныя строки изъ Надсона:

Если любить,—безконечно томиться
Жаждой объятій и знойныхъ ночей,—
Я не любилъ: я молился предъ ней,
Такъ горячо, какъ возможно молиться.
Слово привѣта на чистыхъ устахъ,
Не оскверненныхъ ни злобой, ни ложью,
Все,—что къ ея преклоненный подножью,—
Робко желалъ я въ завѣтныхъ мечтахъ ..

49 человѣкъ (изъ 91), какъ упомянуто выше, говорятъ о любви къ лицамъ своего-же пола.

„О любви между лицами одного и того-же пола, говоритъ Ланкастеръ, мало знаютъ, но она очень распространена. Это не дружба, а любовь, сильная, реальная и страстная".

Небезъинтересны нѣкоторые изъ отвѣтовъ по этому вопросу со стороны корреспондентовъ Л.

Женщ. 33 л. Я полюбила въ первый разъ въ 14 лѣтъ, но моей первой любовью была дѣвушка. Это была безумная, страстная любовь, совершенно того-же свойства, съ тѣми-же ощущеніями, какъ и моя первая любовь къ мужчинѣ, которую я испытала въ 18 лѣтъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ я не идеализировала предмета своей любви. Я отлично знала ихъ недостатки и тѣмъ не менѣе все мое существо всецѣло было отдано имъ, растворялось въ ихъ существованіи. Первая любовь продолжалась 2 года, вторая—7 лѣтъ. Съ той поры я не испытывала больше такой сильной любви, но оба этихъ лица, хотя живы еще, теперь для меня не болѣе, какъ постороннія.

Ж. 17 л. Въ 17 лѣтъ я любила дѣвушку, на 6 или 7 лѣтъ старше себя. Я смотрю на эту любовь, какъ на грѣхъ.

Ж. 35 л. Дѣвушки въ возрастѣ 14—18 лѣтъ, въ школахъ или колледжахъ, часто испытываютъ любовь къ лицамъ того-же пола. Это не дружба. Предметами любви являются дѣвушки болѣе старшаго возраста, болѣе развитыя и болѣе красивыя. Переживъ сама такую любовь, я, перешедши въ старшій классъ, съ своей стороны сдѣлась предметомъ томныхъ взглядовъ, стихотвореній, подношеній розъ и страстныхъ писемъ".

6. Изъ отвѣтовъ по поводу *дружбы* выяснился тотъ

интересный фактъ, что около $^3/_4$ юношей и дѣвушекъ искали и находили друзей среди лицъ значительно моложе или старше себя. А именно, изъ 369 отвѣтившихъ—227 чел. (69 м., 158 ж.) искали общества друзей старше себя, 51—10 м., 41 ж.—болѣе молодыхъ, остальные 91 избирали друзей своего возраста.—96% отвѣтившихъ указали на то, что дружескія связи въ юношескомъ возрастѣ стали глубже, по сравненію съ дѣтствомъ.

Одной изъ причинъ исканія общества лицъ другого возраста является, по мнѣнію Л., столь сильная въ юношескомъ возрастѣ жажда симпатій: юноши-же одного возраста болѣе склонны быть безжалостно суровыми одинъ по отношенію къ другому. „Это исканіе симпатіи, говоритъ онъ, объясняетъ многіе случаи, когда юноши моложе 20 лѣтъ женились на женщинахъ на 10—15 лѣтъ старше себя. Другая причина указаннаго явленія—возможность узнать отъ старшихъ друзей многое изъ того, что бережно скрывается отъ молодежи".

Содержаніе отвѣтовъ въ значительной степени подтверждаетъ истинность этихъ соображеній.

М. 19. Я искалъ болѣе старшихъ друзей, такъ какъ могъ большему научиться у нихъ.

М. 22. Лучшіе друзья—изъ старшихъ. Дѣвушки нравились мнѣ не такъ, какъ замужнія, къ послѣднимъ чувствовалъ большую симпатію.

М. 21. Имѣлъ большое влеченіе къ старшимъ, особенно къ дамамъ за 30 л.

Ж. 17. Всѣ мои друзья старше меня, лучшій другъ—старше на 4 года.

Ж. 18. Я предпочитала сближаться съ болѣе молодыми, исключая тѣхъ случаевъ, когда старшіе говорили о такихъ вещахъ, которыхъ я не должна была слышать. Тогда я предпочитала ихъ общество.

М. 36. До 13 лѣтъ моими друзьями были женщины, гораздо старше меня. Послѣ 13 меня влекло больше къ мужчинамъ, старшимъ меня на 10, 15 лѣтъ.

Ж. 19. Я предпочитаю дружбу мужчинъ. Они честнѣе, съ болѣе широкимъ кругозоромъ, благороднѣе, болѣе открыты, оригинальнѣе въ своихъ мнѣніяхъ, охотнѣе помогаютъ въ нуждѣ, внимательнѣе.

Конечно, есть и другія, кромѣ указанныхъ Л., обстоятельства, объясняющія исканіе друзей другого возраста. Въ дружбѣ къ младшимъ себя, немаловажную роль играетъ желаніе покровительствовать, одно изъ выраженій той потребности главенствовать, на которую указывалось раньше, желаніе быть для другихъ предметомъ поклоненія. „Карръ сказалъ, находимъ у гр. Толстого, что во всякой привязанности есть двѣ стороны: одна любитъ, другая позволяетъ любить себя, одна цѣлуетъ, другая подставляетъ щеку". Вотъ эта-то вторая сторона — позволеніе любить себя — и фигурируетъ въ дружбѣ старшихъ къ младшимъ. Дружбы-же со старшими очень молодой человѣкъ можетъ искать между прочимъ и потому, что такая дружба льститъ его самолюбію: несомнѣнно, говоритъ онъ себѣ, въ немъ есть выдающіяся достоинства, если старшіе находятъ удовольствіе въ его обществѣ. Затѣмъ, въ юношеской дружбѣ, особенно той, „которая цѣлуетъ", почти неизбѣженъ элементъ идеализаціи: безъ послѣдней немыслима страстная дружба въ эти годы. Идеализировать старшихъ очень легко, между-же сверстниками, при постоянной совмѣстной жизни, идеализація почти невозможна: они слишкомъ хорошо знаютъ другъ друга. Поэтому для этого возраста совершенно справедливо замѣчаніе Н. Иртеньева: „слишкомъ много или слишкомъ мало знать другъ друга одинаково мѣшаетъ сближенію".

Необходимость присутствія идеализаціи въ дружбѣ,

элемента очень неустойчиваго, ведетъ и къ частой неустойчивости дружбы въ юношескомъ возрастѣ:

„Въ первой молодости, говоритъ гр. Толстой, мы любимъ только страстно и поэтому только людей совершенныхъ. Но какъ скоро начинаетъ мало-по-малу уменьшаться туманъ страсти, или сквозь него невольно начинаютъ пробиваться ясные лучи разсудка, и мы видимъ предметъ нашей страсти въ его настоящемъ видѣ, съ достоинствами и недостатками, одни недостатки, какъ неожиданность, ярко, преувеличенно бросаются намъ въ глаза, чувство влеченія къ новизнѣ и надежды на то, что не невозможно совершенство въ другомъ человѣкѣ, поощряютъ насъ не только къ охлажденію, но къ отвращенію къ прежнему предмету страсти, и мы не жалѣя бросаемъ его и бѣжимъ впередъ искать новаго совершенства“.

Въ своей повѣсти гр. Толстой останавливается на одномъ очень характерномъ для юношескаго возраста проявленіи дружбы и на послѣдствіяхъ этого проявленія. „Дадимъ себѣ слово, предлагаетъ Дм. Нехлюдовъ Н. Иртеньеву, при заключеніи съ нимъ дружбы, дадимъ себѣ слово во всемъ признаваться другъ другу. Мы будемъ знать другъ друга, и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться постороннихъ, дадимъ себѣ слово *никогда ни съ кѣмъ и ничего* не говорить другъ о другѣ. Сдѣлаемъ это.—Давайте, сказалъ я.

И мы дѣйствительно *сдѣлали это*. Что вышло изъ этого, я разскажу послѣ“.

Не вышло ничего хорошаго: „Мы доходили иногда,— разсказываетъ впослѣдствіи Н. Иртеньевъ – въ увлеченіи откровенностью до самыхъ безстыдныхъ признаній, выдавая къ своему стыду предположеніе, мечту за желаніе и чувство, какъ, напримѣръ, то, что я

сейчасъ сказалъ ему [1]); и эти признанія не только не стягивали больше связь, соединяющую насъ, но сушили самое чувство и разъединяли насъ".

7. Что касается *альтруистическихъ* чувствъ, то это та область, которая всего менѣе поддается самооцѣнкѣ. Несомнѣнно, что юность—это время безкорыстныхъ порывовъ, способности не разсуждая жертвовать собою, чтобы помочь чужому горю, которое только теперь и начинаетъ чувствоваться надлежащимъ образомъ. Если давать вѣру собственнымъ отзывамъ корреспондентовъ по этому вопросу, то они подтверждаютъ высказанное положеніе. Изъ 285 отвѣтившихъ —74 м. и 140 ж. сказали о себѣ, что они стали безкорыстнѣе, проявляли преданность по отношенію къ другимъ. Для остальныхъ, давшихъ о себѣ неблагопріятный отвѣтъ, во многихъ случаяхъ было доказано, что преобладаніе эгоистическихъ чувствъ надъ альтруистическими въ ихъ юношескомъ возрастѣ было временнымъ, и затѣмъ крайніе эгоисты становились великодушными людьми. Къ сожалѣнію, нерѣдки и обратные случаи, хотя о нихъ и не говорятъ корреспонденты Л.—Обращаясь къ біографіямъ, изученнымъ Л., въ $^1/_6$ изъ нихъ находимъ упоминанія о большомъ самопожертвованіи, которое проявили герои біографій въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ.

8. Но юность является тѣмъ временемъ, когда замѣчаются не только безотчетныя порыванія къ добру и посильно устраняются *отдѣльныя* проявленія зла, но также пробуждается и сознаніе долга, строятся идеалы должнаго, согласно съ которыми и регулируется поведеніе, однимъ словомъ — оказывается временемъ проявленія *нравственныхъ чувствъ*. Изъ числа коррес-

---

[1]) „Я тебѣ признавался, напоминаетъ Н. Иртеньевъ Нехлюдову, что, когда папа меня назвалъ дрянью, я нѣсколько времени ненавидѣлъ его и желалъ его смерти, также и ты"...

пондентовъ Л. 240 чел. — 73 м. и 167 ж.—указали на внезапное пробужденіе у нихъ въ юношескомъ возрастѣ одного изъ важныхъ элементовъ нравственнаго чувства—понятія о добрѣ и злѣ; лишь 16 не замѣтили никакой разницы въ этомъ отношеніи, по сравненію съ дѣтствомъ. О содержаніи отвѣтовъ могутъ дать понятіе хотя два слѣдующихъ: „Я почувствовала большую потребность поступать справедливо, потому только, что это справедливо“, говоритъ одна изъ корреспондентокъ. „Въ эти годы впервые проснулось сознаніе долга“, сообщаетъ другой.

И эти понятія о добрѣ и злѣ, сознаніе своего долга предъ обществомъ и настоятельной необходимости отдаться работѣ на пользу его—просыпаются иногда такъ внезапно и съ такою страстною силою, такъ рѣзокъ бываетъ переходъ отъ прежняго небытія въ нравственномъ отношеніи къ просвѣтленному нравственному сознанію! Конечно, задатки такого сознанія накопляются постепенно и долго, но все это—лишь потенціальныя силы и нужна какая-нибудь искра извнѣ, чтобы вспыхнули эти силы, чтобы „встрепенулась душа“. Кому не приходилось переживать въ юности этихъ моментовъ, поистинѣ счастливѣйшихъ въ жизни, когда какъ-бы дѣйствительно искра пробѣгала по тѣлу, когда трепетала душа и въ ней загорался огонь, иногда—и какъ часто—не больше, какъ блуждающій огонекъ, но въ другихъ случаяхъ этотъ огонь не гасъ, а разгорался въ яркое пламя неутолимой нравственной потребности отдаться безъ остатка на служеніе общему дѣлу. Случайно прочитанная книга, горячее слово, нашедшее доступъ въ тайники вашего сердца и затронувшее самыя глубокія струны, а для немногихъ счастливцехъ и примѣръ свѣтлой чистой личности, съумѣвшей всю свою жизнь подчинить высокой идеѣ—могутъ сыграть роль этой искры, зажегшей душу. И когда передъ человѣкомъ проснется сознаніе всей громадности лежащихъ на немъ обязан-

ностей, какъ стыдно дѣлается ему за даромъ потраченное время, какъ онъ, „волнуясь и спѣша“, рвется наверстать потерянное. Что-то ширится въ душѣ, хочется обнять весь міръ: не головное сознаніе долга говоритъ въ васъ, наоборотъ, всѣмъ сердцемъ, всею душею готовы вы отдаться дѣлу, такъ легко и просто кажется это вамъ, предстоящая задача рисуется такою прекрасною, въ выполненіи ея не только долгъ, но и высочайшее счастіе, доступное человѣку. Какой-то гимнъ ликованія немолчно раздается въ вашей душѣ, гимнъ, поющій о счастіи и красотѣ подвига, и этотъ гимнъ поетъ вмѣстѣ съ вами вся природа, живая, радостная и бодрящая.

Съ какою жизненною правдою и какъ ярко изображаетъ эти моменты гр. Толстой. У кого даже потускнѣли старыя впечатлѣнія юности, позатерлись, подъ дѣйствіемъ массы пошлостей обыденной жизни, эти золотыя воспоминанія не могутъ не воскреснуть подъ вліяніемъ этого мастерскаго разсказа. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи—привести его цѣликомъ. „Какое-то новое для меня, чрезвычайно сильное и пріятное чувство вдругъ проникло мнѣ въ душу, передаетъ Н. Иртеньевъ. Мокрая земля, по которой кой-гдѣ выбивали ярко-зеленыя иглы травы, съ желтыми стебельками, блестящіе на солнцѣ ручьи, по которымъ вились кусочки земли и щепки, закраснѣвшіеся прутья сирени съ вспухлыми почками, качавшимися подъ самымъ окошкомъ, хлопотливое чиликанье птичекъ, копошившихся въ этомъ кустѣ, мокрый отъ таявшаго на немъ снѣга черноватый заборъ, а главное—этотъ пахучій сырой воздухъ и радостное солнце—говорили мнѣ внятно, ясно, о чемъ-то новомъ и прекрасномъ, которое, хотя я не могу передать такъ, какъ оно сказывалось мнѣ, а постараюсь передать такъ, какъ я воспринималъ его,—все мнѣ говорило про красоту, счастіе и добродѣтель, говорило, что какъ то, такъ и другое

легко и возможно для меня, что одно не можетъ быть безъ другого, и даже что красота, счастіе и добродѣтель одно и тоже. „Какъ могъ я не понимать этого, какъ дуренъ я былъ прежде!“ говорилъ я самъ себѣ,— надо скорѣй, скорѣй, сію же минуту сдѣлаться другимъ человѣкомъ и начать жизнь иначе“. Несмотря на это, я однако долго еще сидѣлъ на окнѣ, мечтая и ничего не дѣлая. Случалось-ли вамъ лѣтомъ лечь спать днемъ въ пасмурную дождливую погоду и, проснувшись на закатѣ солнца, открыть глаза и въ расширяющемся четыреугольникѣ окна, изъ подъ полотняной сторы, которая надувшись бьетъ прутомъ о подоконникъ, увидѣть мокрую отъ дождя тѣнистую лиловатую сторону липовой аллеи и сырую садовую дорожку, освѣщенную яркими косыми лучами, услыхать вдругъ веселую жизнь въ саду и увидать насѣкомыхъ, которыя вьются въ отверстіи окна, просвѣчивая на солнцѣ, почувствовать запахъ дождеваго воздуха и подумать: „какъ мнѣ не стыдно было проспать такой вечеръ“ и торопливо вскочить, чтобъ идти въ садъ порадоваться жизнью? Если случалось, то вотъ образчикъ того сильнаго чувства, которое я испытывалъ въ это время“.

Въ связи съ пробужденіемъ потребности дѣйствовать, неизбѣжно должны развиваться — и они дѣйствительно возникаютъ въ юности—понятія о руководящемъ принципѣ дѣйствія, объ идеалахъ, къ достиженію которыхъ долженъ стремиться человѣкъ. Идеалы эти могутъ рисоваться, какъ въ смыслѣ тѣхъ образцовъ, тѣхъ воплощеній идеи, которымъ долженъ подражать человѣкъ всю свою жизнь, такъ и въ смыслѣ того высшаго блага, въ осуществленіе котораго данный человѣкъ долженъ внести свою лепту.

Конечно, идеалъ идеалу рознь, и нѣкоторые изъ нихъ даже съ большой натяжкой не могутъ быть отнесены къ области нравственности. Многіе изъ идеаловъ являются просто отраженіемъ той стороны юношескаго

возраста, о которой уже приходилось упоминать, того, что „въ молодости, говоря словами гр. Толстого, всѣ силы души направлены на будущее". Естественны, поэтому, и планы относительно будущаго. Изъ 462 корреспондентовъ 369—167 м. и 276 ж.—строили въ юности различные планы относительно будущаго, и только 93 ч.—81 м. и 12 ж.—не занимались этимъ. Въ построеніи этихъ плановъ человѣкъ отвѣчаетъ также и на вопросъ о своемъ *личномъ* идеалѣ, на вопросъ о томъ, чѣмъ онъ лично хочетъ быть. Многіе изъ такихъ отвѣтовъ могутъ дать матерьялъ для оцѣнки личности въ нравственномъ отношеніи, хотя идеалы, о которыхъ они говорятъ, сами по себѣ и не являются нравственными идеалами. Такіе личные идеалы очень измѣнчивы въ юношескомъ возрастѣ, они очень часто ростутъ по мѣрѣ роста мыслительныхъ способностей и нравственныхъ чувствъ. Оставляя въ сторонѣ болѣзненные случаи изломанныхъ и эксцентричныхъ натуръ, вродѣ Башкирцевой, желавшей быть „Цезаремъ, Августомъ. М. Авреліемъ, Нерономъ, Каракаллой, Сатаной, Папой или всѣмъ этимъ разомъ", приведемъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ корреспондентовъ Л. Они характерны для сферы личныхъ идеаловъ юношескаго возраста.

М. 18. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я мечталъ быть кулачнымъ бойцомъ и спортсменомъ вообще.

М. 20. У меня были разные идеалы: сперва быть политикомъ, затѣмъ—министромъ, теперь—учителемъ.

Ж. 20. Моимъ идеаломъ является серьезный характеръ, уповающій на себя, смѣлый и искренній, вѣрный христіанской жизни.

Ж. 33. Въ это время, подъ вліяніемъ книги о работѣ среди бѣдныхъ, пробудился филантропическій идеалъ, никогда затѣмъ не исчезавшій.

Ж. 17. Живу больше въ будущемъ. Имѣла много идеаловъ, созданныхъ воображеніемъ... Теперь моимъ идеаломъ является умная дѣвушка, симпатичная, твер-

дая, вѣрная, любящая друзей. Она христіанка, музыкантша, писательница, хорошая хозяйка, любительница чтенія, художница, пѣвица, учительница.

Идеалы эти захватываютъ или область дѣйствія, личной карьеры, или личнаго совершенства. Желать сдѣлаться совершенствомъ вполнѣ естественно въ юношескомъ возрастѣ, когда такъ чувствуются собственныя силы, устанавливается такая высокая самооцѣнка. Содержаніе понятія о совершенствѣ не съ неба, конечно, сваливается, не безпричинно слагается, въ юношеской головѣ, а является отраженіемъ окружающей среды. Гдѣ, какъ въ Америкѣ, сильно въ обществѣ увлеченіе спортомъ, естественно появленія въ юности желанія сдѣлаться атлетомъ. Иногда, подобный „атлетическій“ идеалъ является не цѣлью, а лишь средствомъ для болѣе высокой, хотя и не всегда очень ужъ возвышенной цѣли. „Буду дѣлать нарочно движенія, какъ можно больше, мечталъ Н. Иртеньевъ, гимнастику каждый день, такъ что, когда мнѣ будетъ двадцать пять лѣтъ, я буду сильнѣе Раппо. Первый день буду держать полпуда „вытянутой рукой“ пять минутъ, на другой двадцать одинъ фунтъ, на третій двадцать два фунта и такъ далѣе, такъ что, наконецъ, по четыре пуда въ каждой рукѣ и такъ, что буду сильнѣе всѣхъ въ дворнѣ; и когда вдругъ кто-нибудь вздумаетъ оскорбить меня или станетъ непочтительно отзываться о *ней*, я возьму его такъ, просто, за грудь, подниму аршина на два отъ земли одной рукой и только подержу, чтобъ почувствовалъ мою силу, и оставлю“...

У другихъ (эта нотка сильно звучитъ у нѣкоторыхъ изъ корреспондентовъ Л.) личные идеалы ярко отражаютъ представленія буржуазнаго общества о „порядочномъ человѣкѣ“. Чѣмъ уродливѣе среда, тѣмъ болѣе извращены и понятія о порядочности, приводя, напр., къ созданію того „комильфотнаго“ идеала, увлеченіе которымъ отдаетъ дань Н. Иртеньевъ. „Мое comme il

faut, говоритъ онъ, состояло, первое и главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривавшій по французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти.... Второе условіе comme il faut были ногти длинные, отчищенные и чистые; третье было умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной презрительной скуки... Странно то, что ко мнѣ, который имѣлъ положительную неспособность къ comme il faut, до такой степени привилось это понятіе... Страшно вспоминать, сколько безцѣннаго въ жизни шестнадцатилѣтняго времени я потратилъ на пріобрѣтеніе этого качества... Comme il faut было для меня не только важною заслугой, прекраснымъ качествомъ, совершенствомъ, котораго я желалъ достигнуть, но это было необходимое условіе жизни, безъ котораго не могло быть ни счастія, ни славы, ничего хорошаго на свѣтѣ. Я не уважалъ-бы ни знаменитаго артиста, ни ученаго, ни благодѣтеля рода человѣческаго, еслибы онъ не былъ comme il faut... Но ни потеря золотого времени, употребленнаго на настоящую заботу о соблюденіи всѣхъ трудныхъ для меня условій comme il faut, исключающихъ всякое серьезное увлеченіе, ни ненависть и презрѣніе къ девяти десятымъ рода человѣческаго, ни отсутствіе вниманія ко всему прекрасному, совершающемуся внѣ кружка comm il faut, все это было еще не главное зло, которое причинило мнѣ это понятіе. Главное зло состояло въ томъ убѣжденіи, что comme il faut есть самостоятельное положеніе въ обществѣ, что человѣку не нужно стараться быть ни чиновникомъ, ни каретникомъ, ни солдатомъ, ни ученымъ, когда онъ comme il faut; что достигнувъ этого положенія, онъ уже исполняетъ свое назначеніе и даже становится выше бо́льшей части людей“.

Въ „филантропическомъ“ идеалѣ сказывается при-

сутствіе альтруистическихъ чувствъ, желаніе помочь отдѣльнымъ проявленіямъ человѣческаго горя. Дальше такого „филантропическаго“ идеала и не шелъ почти Иртеньевъ, мечтавшій: „буду каждое воскресенье ходить непремѣнно въ церковь, и еще послѣ цѣлый часъ читать Евангеліе, потомъ изъ *бѣленькой*, которую я буду получать каждый мѣсяцъ, когда поступлю въ университетъ, непремѣнно два съ полтиною (одну десятую) я буду отдавать бѣднымъ и такъ, чтобы никто не зналъ; и не нищимъ, а стану отыскивать такихъ бѣдныхъ, сироту или старушку, про которыхъ никто не знаетъ“. Если и грезилось ему иногда уничтожить „всѣ несчастія людскія“, то лишь на почвѣ совершенствованія и исправленія человѣчества, на почвѣ морализаціи, имѣющей очень отдаленное отношеніе къ истинной нравственности. Нѣтъ нравственности безъ общественности и нѣтъ нравственности безъ самозабвенія. Лишь тотъ, у кого „я“ далеко отходитъ на задній планъ, кто весь охваченъ мыслью объ общемъ благѣ и общественномъ злѣ, ушелъ весь въ пламенное желаніе поработать на *общественной* нивѣ, а не надъ личнымъ совершенствованіемъ, тотъ сталъ на истинный путь нравственности.

„Насъ едва не съ дѣтства тяготилъ вопросъ:
Отчего такъ много въ этомъ мірѣ слезъ?“

разсказываетъ Надсонъ. У кого такъ рано проснулась общественная совѣсть, у того, естественно, и въ юности уже слагается нравственный идеалъ:

Мечты насъ гордо призывали
Жить для другихъ, другимъ служить,
И всѣ мы горячо желали
Не безполезно жизнь прожить.
Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свѣтъ прольемъ.
Когда цѣпей тяжелыхъ бремя,
Мы съ мысли скованной сорвемъ,

Когда, какъ дивное сіянье,
Блеснетъ повсюду надъ землей
Свобода, честность, правда, знанье
И трудъ, высокій и святой.

Такого направленія та часть юношескихъ идеаловъ, которая, несомнѣнно, относится уже къ области идеаловъ нравственныхъ. Они требуютъ цѣльнаго къ себѣ отношенія, человѣкъ не можетъ служить вмѣстѣ и Богу, и Мамоннѣ.

Кто истинѣ, вѣрный призванью,
Себя безвозвратно обрекъ,
И домъ, и семью безъ роптанья
Оставитъ, сказалъ намъ Пророкъ...

говоритъ одно изъ юношескихъ стихотвореній Плещеева.

А когда человѣкъ всецѣло увлечется какою-нибудь идеей, какъ просто кажется ему отдаться безъ остатка любимому дѣлу. Какъ искренно, безъ малѣйшей рисовки и съ какою удивительной нравственной чистотой выразилъ эту мысль 19-лѣтній Надсонъ:

А вопросъ такъ простъ: отдайся всей душею
На служенье братьямъ, позабудь себя
И иди впередъ, свѣтя передъ толпою,
Поднимая павшихъ, вѣря и любя!...

Конечно и этотъ строй мысли, какъ и всѣ остальные, является отраженіемъ среды. Онъ будетъ очень непродолжителенъ, если возникнетъ только подъ электризующимъ вліяніемъ временной товарищеской среды молодыхъ энтузіастовъ: разсыпятся они въ самыя разнообразныя мѣста своей родины, вышедши изъ стѣнъ объединявшей ихъ школы, и тина жизни засосетъ многихъ слабыхъ, создавъ новые, пониженные идеалы. Съ постояннымъ вліяніемъ тлетворной среды можно бороться лишь постояннымъ же вліяніемъ среды благотворной. Но юность рѣдко задумывается надъ этимъ. Она такъ вѣритъ еще въ благородство человѣческой

природы. Воспитывать человѣка — какъ это скучно и ненужно. Воспитывать, когда такъ настоятельно зовутъ къ себѣ другія, болѣе крупныя дѣла. „Энтузіастъ-юноша, говоритъ Л., не принимаетъ во вниманіе трудностей, которыя придется преодолѣть; онъ думаетъ, что своими личными усиліями можетъ реформировать религію, политику, соціальные обычаи, можетъ устранить бѣдствія рабочихъ классовъ". 142 изъ 149, отвѣтившихъ на поставленный вопросъ, мечтали объ общественныхъ реформахъ. Почти у всѣхъ героевъ изученныхъ Л. біографій были самыя страстныя желанія въ этомъ отношеніи.

Конечно, и юноши знаютъ, что не все можно сдѣлать своими личными единичными усиліями, нужны товарищи. Но ихъ такъ легко пріобрѣсти. Стоитъ только кликнуть кличъ, и люди найдутся, стоитъ только сорвать покрывало, закрывающее истину, и человѣкъ, у котораго есть и свѣтлый умъ, и чуткая совѣсть, не можетъ устоять предъ ея обаяніемъ, онъ весь отдастся на служеніе ей. А развѣ юноша можетъ допустить, что нѣтъ этихъ необходимыхъ задатковъ у его товарищей: у нихъ такъ горятъ глаза, они съ такимъ жаромъ клянутся отдать всѣ силы на служеніе родинѣ. И если этотъ случайный составъ товарищей такъ вдохновенно отзывается на его кличъ, то, навѣрное, пойдетъ за нимъ и все молодое поколѣніе, да и не только молодое поколѣніе. Нужно лишь пробудить совѣсть!

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и ростетъ.
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,

И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
И поведемъ на̀ битву рать!
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падёмъ предъ нимъ во прахъ!..
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый
Талантъ свой въ землю не зарылъ!
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!
Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ не сулилъ!

(*юношеское стихотвореніе Плещеева*).

По вопросу объ интересѣ, въ юношескомъ возрастѣ, къ *литературѣ*, *наукѣ и философіи*, мы должны ограничиться краткими замѣчаніями, такъ какъ матеріалъ, представляемый отвѣтами корреспондентовъ Л., и скуденъ, и, въ очень значительной степени, отражаетъ на себѣ специфическія американскія условія.

Интереснымъ фактомъ,—выяснившимся изъ отвѣтовъ, характеризующихъ отношеніе къ литературѣ, вѣрнѣе къ чтенію вообще,—является существованіе въ юношескомъ возрастѣ настоящей маніи къ чтенію. Пробуждающаяся пытливость ума создаетъ неутолимую жажду знанія. Нѣтъ вопроса, который юношескій умъ, безъ колебанія, согласился-бы признать неразрѣшимымъ. Онъ хочетъ знать все, рѣшительно все. Не одинъ юноша съ восторгомъ подписался-бы подъ словами Надсона:

Я знать хочу, къ чему съ лазури небосвода
Льетъ солнце свѣтъ и жизнь въ волнахъ своихъ лучей,
Кѣмъ создана она,—могучая природа,—
Твердыни горъ ея и глубь ея морей;
Я знать хочу, къ чему я созданъ самъ въ природѣ,
Съ душой, скучающей безцѣльнымъ бытіемъ,
Съ теплomъ любви въ душѣ, съ стремленіемъ къ свободѣ,
Съ сознаніемъ силъ своихъ и съ мыслящимъ умомъ!

Такой „мыслящій умъ“ требуетъ все больше и больше пищи, и при этомъ такъ много увлекательной новизны въ тѣхъ горизонтахъ, которые открываетъ чтеніе предъ юношей, что онъ просто глотаетъ одну книгу за другой. У 120 изъ 200 чел., на біографіи которыхъ мы уже неоднократно ссылались, была въ юности настоящая манія къ чтенію. Жажда знанія особенно ярко сказалась у Эдиссона, который, получивъ доступъ въ Детройтскую общественную библіотеку, только тогда насытилъ свою жажду чтенія, когда прочелъ подъ рядъ всѣ безъ исключенія книги, умѣщавшіяся на полкѣ въ 15 футовъ длиною, а были на этой полкѣ, между прочимъ, и „Начала“ Ньютона, и Техническій лексиконъ. Но это лишь болѣе яркій, но далеко не единственный примѣръ. Очень сходны факты изъ біографіи Джона Генри, впослѣдствіи президента Смитсоніановскаго института. Случайно, десятилѣтнимъ мальчикомъ, нашедши лазейку въ общественную библіотеку въ Албани, онъ поглотилъ сперва всѣ книги по беллетристикѣ, а затѣмъ перечелъ все, относившееся къ физикѣ, астрономіи и химіи

Изъ корреспондентовъ Л. о маніи чтенія въ юношескомъ возрастѣ сообщаютъ 453 ч. (223 м. и 230 ж.) изъ 523. Лишь у 70—24 м., 46 ж.—не произошло измѣненія въ любви къ чтенію. Кривая, изображающая усиленіе любви къ чтенію, приподымается незначительно къ 10-лѣтнему возрасту, затѣмъ быстро отъ 11 до 14 л., достигаетъ высшей точки къ 15, падаетъ къ 18 г.—На предпочтеніи того или другого автора

сказалось, конечно, вліяніе американской школы. Изъ поэтовъ больше всего читался корреспондентами Л. Лонгфелло—237 голосовъ, затѣмъ Тениссонъ—125, Whittier—104, Шекспиръ—72. Изъ историковъ — Банкрофтъ и Маколей. Изъ беллетристовъ: В. Скоттъ—126, Диккенсъ—112, Олькотъ—89, Эліотъ—64. — Большинство предпочитаетъ беллетристику: 812 голосовъ; затѣмъ идетъ поэзія—797, научныя сочиненія 67, исторія 37, путешествія—30.

Научный интересъ Л. старался выяснить лишь по отношенію къ точнымъ наукамъ. Вопросъ былъ поставленъ такъ: „пробудился-ли большій интересъ къ ботаникѣ, зоологіи, физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ?“ Было получено 381 отвѣтовъ. 290 чел.—122 м., 168 ж. любили естественныя науки. 91 человѣку—31 м., 60 ж.—онѣ не нравились. Между отдѣльными естественно-научными предметами наибольшее вниманіе корреспондентовъ Л. привлекали ботаника и зоологія, а наименьшее—геологія и физическая географія.

Многочисленны отвѣты такого содержанія: „несомнѣнно, я любилъ естественныя науки, но подборъ учителей, дурно относившихся ко мнѣ, заставилъ меня уклониться отъ изученія этихъ наукъ и заняться чѣмъ-нибудь другимъ“.

„Если сопоставить,—говоритъ Л.,—большую любовь къ природѣ съ отвращеніемъ къ естественнымъ наукамъ,—а это уживается въ одномъ и томъ-же субъектѣ,—то нельзя не признать, что это обстоятельство указываетъ на большую несостоятельность современныхъ методовъ пробужденія научнаго интереса при помощи учебниковъ. 640 чел. любили природу, тогда какъ лишь 290 любили какую-нибудь изъ естественныхъ наукъ. А между тѣмъ любовь къ природѣ должна быть утилизируема въ цѣляхъ развитія въ воспитанникахъ научнаго духа“.

По отношенію къ *философіи* былъ поставленъ такой вопросъ: „помогло-ли вамъ лично изученіе философіи, морали, психологіи, эстетики или логики? Если да, то какія идеи пробудило оно у васъ?“

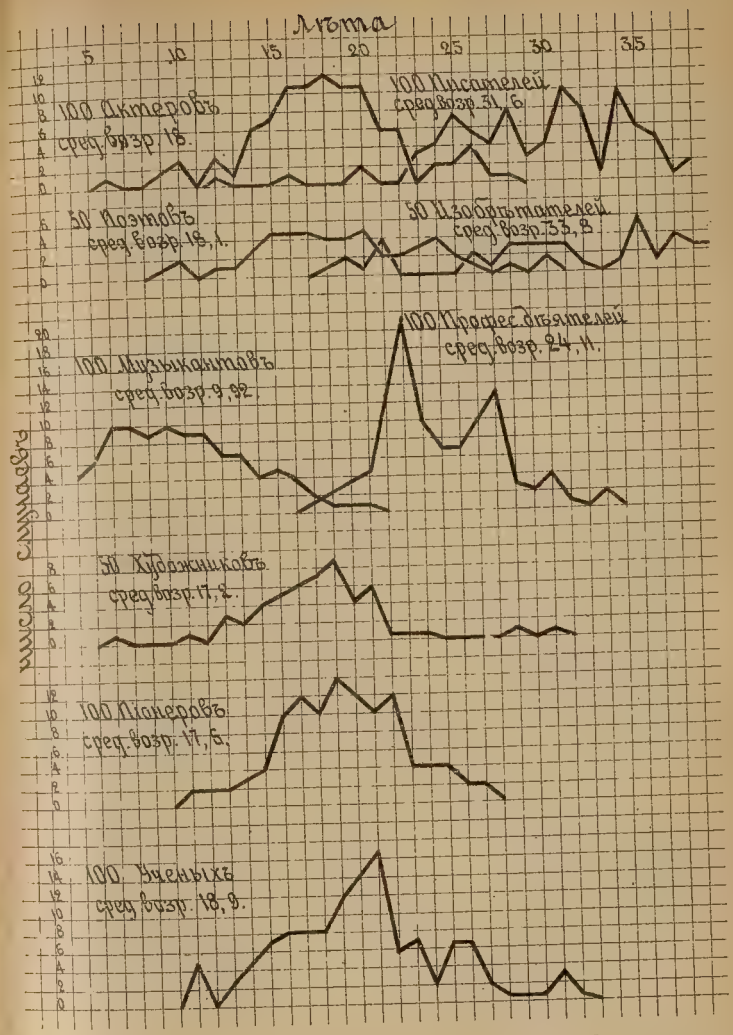
Какъ и слѣдовало ожидать, большинство изъ отвѣтившихъ никогда не изучали философскихъ наукъ. Интересъ къ отвлеченному знанію придетъ позже, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, для большинства, впрочемъ, не придетъ никогда. Философскіе предметы изучало 194 человѣка. Изъ нихъ—167—34 м., 133 ж.—указываютъ, что изученіе психологіи и этики принесло имъ пользу. 27 чел. отрицаютъ пользу изученія философіи.

Но если юношамъ мало доступно еще изученіе философскихъ наукъ, то философствовать, особенно въ раннемъ періодѣ юности, они очень любятъ. Вопросы о началѣ и концѣ, о конечныхъ цѣляхъ мірозданія, вродѣ тѣхъ, которые ставитъ Надсонъ въ приведенномъ выше отрывкѣ, мучатъ юношу, и онъ подолгу задумывается надъ ними. Къ сожалѣнію, у Л. нѣтъ никакого матеріала по этому вопросу, а матеріалъ могъ-бы получиться любопытный, такъ какъ въ ранней юности слагаются настоящія философскія теоріи, подчасъ крайне дикія, но тѣмъ не менѣе весьма интересныя для характеристики юношескаго возраста. И сколько мукъ иногда причиняютъ эти теоріи, не извнѣ навѣянныя, а придуманныя самимъ юношей. „Ни однимъ изъ всѣхъ философскихъ направленій, разсказываетъ Иртеньевъ о періодѣ своего отрочества, я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ-же исче-

заютъ. Однимъ словомъ, я сошелся съ Шеллингомъ въ убѣжденіи, что существуютъ не предметы, а мое отношеніе къ нимъ. Были минуты, что я, подъ вліяніемъ этой *постоянной идеи*, доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было".

У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить, насколько типичны для ранней юности такія мысли. Субъективно, мы готовы были-бы признать ихъ типичными, такъ какъ—пусть читатель проститъ эти личныя воспоминанія—пишущему эти строки,—въ возрастѣ лѣтъ 10—12, пришлось пережить періодъ, когда, до мельчайшей подробности, съ нимъ повторилось тоже, что съ Иртеньевымъ. Онъ также ловилъ пустоту, ему также казалось, что весь окружающій его міръ существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ смотритъ, пока онъ слушаетъ, и только на время его бодрствованія и поддерживаются всѣ эти внѣшніе образы. Но если притвориться спящимъ или отвернуться отъ внѣшнихъ предметовъ, то, внезапно раскрывши глаза или повернувшись въ прежнюю сторону, можно поймать пустоту, такъ какъ внѣшніе образы не успѣютъ еще подготовиться. Вотъ ходъ этихъ отроческихъ мыслей, тщательно скрывавшихся отъ всѣхъ и доставлявшихъ много нравственныхъ терзаній. Мысли эти такъ близко совпадаютъ съ мыслями Иртеньева, что послѣднія ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться исключительными, и, если онѣ даже и не вполнѣ типичны для юношескаго возраста, то, во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, довольно обычны.

Крайне интересна попытка, сдѣланная Л., для опредѣленія возраста, когда проявляются тѣ или другія дарованія. Кромѣ упомянутыхъ уже 200 біографій, онъ


Лѣта
5
10
15
20
25
30
35
Число случаевъ
100 Актеровъ
средн. возр. 18.
100 Писателей
средн. возр. 31, 6.
50 Поэтовъ
средн. возр. 18, 1.
50 Изобрѣтателей
средн. возр. 33, 8.
100 Музыкантовъ
средн. возр. 9, 92.
100 Профессіоналей
средн. возр. 24, 11.
50 Художниковъ
средн. возр. 17, 2.
100 Піонеровъ
средн. возр. 17, 6.
100 Ученыхъ
средн. возр. 18, 9.

изучилъ еще нѣсколько сотъ другихъ. Сперва онъ рѣшилъ выбрать сотню біографій актеровъ и полученные результаты сравнить съ результатами массоваго изученія біографій людей другаго класса. Въ списокъ актеровъ были включены наиболѣе знаменитые англійскіе и американскіе актеры XVIII и XIX столѣтія. Дѣти актеровъ, игравшія ранѣе 5 лѣтъ, не включены въ списокъ. Во вниманіе приняты лишь тѣ, кто добровольно попалъ на сцену (хотя многіе изъ включенныхъ въ списокъ были сыновьями и дочерьми актеровъ и не знали другой жизни). Данныя, относящіяся къ проявленію таланта какъ актеровъ, такъ и людей остальныхъ, изученныхъ Л. профессій, нанесены въ видѣ кривыхъ на прилагаемой діаграммѣ.

Изъ кривой, относящейся къ дѣятельности актеровъ, видно, что весь періодъ, когда тотъ или другой актеръ достигаетъ славы, захватываетъ возрастъ отъ 6 до 28 лѣтъ, при чемъ средній возрастъ наибольшаго успѣха— 18 лѣтъ. „Изученіе кривой, говоритъ Л., указываетъ, что талантъ актера является не интеллектуальнымъ, а эмоціональнымъ продуктомъ. Другими словами, актеры рождаются, а не вырабатываются. Они наслѣдуютъ необходимыя качества. Они отражаютъ эмоціональную жизнь своего возраста. Почти половина изъ нихъ были ирландцы или потомки ирландцевъ. Англія и Валлисъ доставили большинство остальныхъ. Отъ чисто американскаго ствола произошло сравнительно мало великихъ артистовъ. Повидимому, американцы холодны, страдаютъ недостаткомъ чувствъ или, быть можетъ, чувства ихъ направлены въ другую сторону. Кривая указываетъ, что немногіе имѣли первый успѣхъ лишь послѣ 22 лѣтъ. Ожидать проявленія артистическаго таланта можно скорѣе всего между 16 и 20 годами. Вторичное поднятіе кривой, повидимому, относится къ другому опредѣленному классу актеровъ, игра которыхъ основывается больше на умѣ, чѣмъ на чувствѣ. Тоже

примѣчаніе можетъ быть сдѣлано и относительно кривой для поэтовъ (нѣкоторое понятіе въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, послѣ общаго паденія). Богатство чувствъ, проявляющееся до конца нерѣдко долгой жизни актеровъ, указывается, что разъ постоянно поддерживается эмоціональная сторона, то она не теряется до самаго поздняго возраста".

Рядомъ съ кривой, изображающей успѣхи актеровъ, помѣщена кривая, составленная на основаніи изученія біографій ста беллетристовъ; отмѣчено время появленія первой повѣсти или романа, имѣвшихъ замѣтный успѣхъ. Разница этихъ двухъ кривыхъ поразительна. Въ одномъ случаѣ, предъ нами продуктъ эмоціи, въ другомъ, главнымъ образомъ, интеллекта или интеллекта въ связи съ эмоціей. Тогда какъ 90% актеровъ стали славными до 22 лѣтъ, только 4% беллетристовъ написали замѣчательное произведеніе въ этомъ возрастѣ. „Повѣсти, созданныя однимъ чувствомъ, несостоятельны, говоритъ Л. Повидимому, чтобы писать съ успѣхомъ, необходимы образованіе, наблюденія, близкое знакомство съ человѣческой жизнью и характеромъ. Предъ актеромъ же имѣется готовый интеллектуальный продуктъ, онъ долженъ лишь прочувствовать и пережить его". Средній возрастъ написанія первой удачной повѣсти 31,65 г., для всѣхъ 100 чел. этотъ возрастъ захватывалъ періодъ отъ 12 до 51 года.

Слѣдующая кривая указываетъ время опубликованія первой поэмы или тома стихотвореній и позволяетъ заключить, что эмоціональный, юношескій характеръ больше проявляется въ поэзіи, чѣмъ въ беллетристикѣ. Средній возрастъ опубликованія поэтическаго произведенія, свидѣтельствовавшаго о существованіи таланта, 18,1 г., на 13 лѣтъ меньше, чѣмъ у романистовъ. Для 50 чел. этотъ возрастъ въ отдѣльныхъ случаяхъ колебался отъ 9 до 50 л. Рядомъ съ этой кривой помѣщена кривая, гдѣ отмѣченъ возрастъ полученія пер-

ваго патента (изучены біографіи 50 изобрѣтателей). Не эмоціи проявляются уже здѣсь, а хладнокровный трудъ интеллекта, хотя и согрѣтаго энтузіазмомъ. Средній возрастъ 33,8; весь періодъ: отъ 18 до 55 л. „Болѣе молодой возрастъ несовмѣстимъ съ полученіемъ наиболѣе цѣнныхъ патентовъ", замѣчаетъ Л.

Ближайшая пара кривыхъ проявляетъ разительнѣйшій контрастъ. Одна кривая относится къ 100 музыкантамъ, б. ч., европейцамъ, другая — къ 100 американскимъ профессіональнымъ дѣятелямъ (юристамъ, медикамъ и др.).

Музыкальный талантъ не можетъ быть сравниваемъ ни съ какимъ другимъ. Л. сперва представлялось, что талантъ этотъ можетъ быть поставленъ въ близкую связь съ поэтическими или художественными дарованіями. Оказалось, что это — совершенно различныя области. У Оль Булля музыкальное чутье проявлялось уже въ 3 года. Можно указать и на другіе подобные-же случаи. Нужно лишь надлежащее развитіе двигательнаго аппарата, и предъ нами вполнѣ сложившійся музыкантъ. „Повидимому, говоритъ Л., музыкальное чутье заложено глубоко въ природѣ, оно замѣчается у многихъ животныхъ, многія дикія племена особенно чутки къ ритму музыки. Высокое музыкальное искусство нынѣшняго времени является примѣненіемъ этого примитивнаго качества къ культурному и умственному развитію вѣка". Время перваго проявленія рѣдкаго музыкальнаго таланта не легко опредѣлить по біографіямъ. Гдѣ это можно сдѣлать, въ 100 біогр., средній возрастъ оказывается равнымъ 9,92 годамъ. Періодъ проявленія таланта для всѣхъ 100 человѣкъ — отъ 9 до 20 л. 95% проявили рѣдкій талантъ до 16 лѣтъ. Средній-же возрастъ профессіональнаго дѣятеля 24,11. Только 8% начали свой профессіональный трудъ ранѣе 21 года.

Ближайшая кривая указываетъ возрастъ развитія ху-

дожественныхъ дарованій. Были приняты во вниманіе 53 художника, б. ч., американцы. 90% проявили талантъ до 20 лѣтъ, 50 челов. между 10 и 23 годами. Средній возрастъ 17,2, періодъ проявленія таланта для всѣхъ 53 отъ 6 до 30 л. Только что разсмотрѣнная кривая близко напоминаетъ кривую, изображавшую ходъ развитія поэтическихъ дарованій.

Слѣдующая кривая отмѣчаетъ тотъ возрастъ, въ какомъ 100 піонеровъ, оставившихъ свой слѣдъ въ цивилизаціи дальняго запада Америки, покидали родительскій домъ, въ поискахъ за счастьемъ среди опасностей и чрезмѣрной работы въ области, лежащей по ту сторону Миссиссипи. Средній возрастъ 17,6 л. Періодъ: отъ 10 до 26 л.

Послѣдняя кривая взята для 118 ученыхъ. По возможности, отмѣчено время когда впервые запылала у нихъ страсть къ наукѣ. Средній возрастъ 18,93. Періодъ: 10—30 лѣтъ.

„Кривыя эти, говоритъ Л., легко распадаются на 2 класса: эмоціональный и интеллектуальный. Актеры, поэты, художники, піонеры и ученые, поскольку послѣдніе являются воплотителями научнаго энтузіазма, представляютъ *классъ*, на *которомъ лежитъ очень яркій отпечатокъ эмоціональнаго энтузіазма юности*.

Писатели, изобрѣтатели и профессіональные дѣятели, тоже, конечно, не лишенные энтузіазма и эмоцій, достигаютъ успѣха, главнымъ образомъ, въ періодъ наибольшаго господства интеллекта (въ зрѣломъ возрастѣ). Кривая перваго класса достигаетъ высшей точки между 18 и 20 годами, втораго—между 30 и 40.

Въ дальнѣйшемъ, у зрѣлаго поэта и ученаго наблюдается замѣчательный синтезъ эмоціи и интеллекта. Обѣ эти силы всегда сосуществуютъ, но кривыя указываютъ на преобладаніе въ одномъ возрастѣ одной силы, въ другомъ — другой. Общимъ является фактъ

роста интеллекта на счетъ эмоцій. Чувство, умъ, воля—таковъ порядокъ".

Мы заканчиваемъ нашъ очеркъ. Мы видѣли рядъ недостатковъ, неизбѣжно свойственныхъ тому возрасту, который въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется главнымъ образомъ настроеніями, факторомъ крайне неустойчивымъ. Отсюда неустойчивость всей психики, въ особенности отсутствіе твердой настойчивой воли, неумѣнье долго и упорно работать въ виду отдаленной цѣли. Незрѣла еще и мысль, нѣтъ надлежащей оцѣнки ни себя, ни другихъ, нѣтъ способности объективно взглянуть на вещи, оцѣнить всѣ трудности какого-нибудь дѣла и надлежащимъ образомъ подготовиться къ борьбѣ съ ними. Но если нѣтъ глубины мысли и широты замысла, есть высокій полетъ, есть смѣлость и даже дерзость мысли. Если нѣтъ способности къ усидчивой работѣ для достиженія отдаленной цѣли, нѣтъ не только умѣнья, но даже пониманія того, что подобныя цѣли достигаются не смаху, а лишь упорной работой сплоченной силы, то есть дерзость натиска, есть смѣлый и великодушный порывъ, способность сгорѣть на работѣ, короткой, но поглощающей всего человѣка, способность отдаться безъ остатка любимому дѣлу. Есть жажда дѣятельнаго добра и жажда знанія.

Но считаемся-ли мы, взрослые и зрѣлые люди, съ этими крупными недостатками и крупными достоинствами юной психики? Приходимъ-ли мы на помощь юношамъ, когда они переживаютъ столь свойственные юности періоды упадка силъ и угнетеннаго настроенія, щадимъ-ли мы иногда до болѣзненности чуткое просыпающееся чувство собственнаго достоинства? Не позволяемъ-ли мы себѣ, наоборотъ, третировать, какъ ребятъ, юношей и дѣвушекъ, стоящихъ на порогѣ къ

тому, чтобы стать мужчинами и женщинами? Дѣлаемъ-ли мы что-нибудь, чтобы уравновѣсить колебанія настроеній энергіи и апатіи и развить привычку къ неослабному труду?

А пользуемся-ли мы хорошими задатками юности? Питаемъ-ли жажду знанія? Если вы просматривали когда-нибудь списки книгъ, имѣющихся въ библіотекѣ среднихъ учебныхъ заведеній, вы не затруднитесь дать опредѣленный отвѣтъ. А школьныя программы? И въ результатѣ—юноша, выносящій изъ школы развитые умственные запросы — рѣдкость и большая рѣдкость. Создаемъ-ли мы для юношей надлежащую среду, которая питала-бы героическіе идеалы юности, которая превратила-бы юношескія увлеченія въ непоколебимыя убѣжденія, способность умереть за дѣло — въ способность неустанно работать для него, въ способность къ „восторженной активности“, говоря словами Ланкастера. Нѣтъ, мы смотримъ на всѣ эти увлеченія, какъ на „игру младой крови“, и если и создаемъ среду, то такую, въ которой никогда не слышится ни одного „забытаго слова“, среду, въ зародышѣ губящую молодыя силы, подрѣзывающую еще не успѣвшія расправить крылья, среду пошлую, сонную и засасывающую. И въ результатѣ получаются молодые старички, поколѣніе, которое должно отозваться о себѣ:

„Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!..“

А между тѣмъ и ему вѣдь хочется:

Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!

Но нѣтъ этого воздуха животворящей среды. Старый и умный наблюдатель [1]) долженъ констатировать печальный фактъ:

---

[1]) А. М. Жемчужниковъ.

А сколько юношей на жизненномъ пути
Какъ-бы блуждающихъ средь мрака и въ пустынѣ!
Гдѣ цѣль высокая, къ которой имъ идти?
Въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеалы нынѣ?
Съ кого примѣры брать? Гдѣ подвигъ дѣлъ благихъ?
Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?

Всѣмъ, вѣроятно, понятно это стихотвореніе и памятна эта поистинѣ трагическая, въ общественномъ смыслѣ трагическая, благодарность судьбѣ въ началѣ пьесы:

Сняла съ меня судьба, въ жестокій этотъ вѣкъ,
Такой великій страхъ и жгучую тревогу,
Что я сравнительно—счастливый человѣкъ:
Нѣтъ сына у меня; онъ умеръ, слава Богу!
Ребенкомъ умеръ онъ. Хорошій мальчикъ былъ;
Съ улыбкой доброю; отзывчивый на ласки;
И, мнилось, огонекъ загадочный таилъ,
Которымъ вспыхивали глазки.

Хорошій мальчикъ! А между тѣмъ, лучше, что его нѣтъ:

Какъ страшно было-бы за сына мнѣ родного,
Когда такъ жутко за другихъ!

Л. Сѣдовъ.